

НАСУЩНЫЕ ЗАДАЧИ НАШЕГО ДВИЖЕНИЯ.

Русская социал-демократия не раз уже заявляла, что ближайшей политической задачей русской рабочей партии должно быть ниспровержение самодержавия, завоевание политической свободы. Это заявляли больше 15 лет тому назад представители русской социал-демократии, члены группы «Осв. Труда», это заявили два с половиной года тому назад и представители русских социал-демократических организаций, образовавшие весной 1898 г. Российскую Социал-Демократическую Рабочую Партию. Но, несмотря на эти неоднократные заявления, вопрос о политических задачах социал-демократии в России снова выступает на очередь в настоящее время. Многие представители нашего движения выражают сомнение в правильности указанного решения вопроса. Говорят, что преобладающее значение имеет экономическая борьба, отодвигают на второй план политические задачи пролетариата, суживают и ограничивают эти задачи, заявляют даже, что разговоры об образовании самостоятельной рабочей партии в России просто повторение чужих слов, что рабочим надо вести одну экономическую борьбу, предоставив политику интеллигентам в союзе с либералами. Это последнее заявление нового символа веры (пресловутое *stedo*) сводится уже прямо к признанию русского пролетариата несовершеннолетним и к полному отрицанию социал-демократической программы. А «Рабочая Мысль» (особенно в отдельном приложении) высказалась, в сущности, в том же смысле. Русская социал-демократия переживает период колебаний, период сомнений, доходящих до самоотрицания. С одной стороны, рабочее движение отрывается от социализма; рабочим помогают вести экономическую борьбу, но им вовсе не разъясняют при этом или недостаточно разъясняют социалистических целей и политических задач всего движения в целом. С другой стороны, социализм отрывается от рабочего движения: русские социалисты опять начинают все больше и больше говорить о том, что борьбу с правительством должна вести одними своими силами интеллигенция, ибо рабочие ограничиваются лишь экономической борьбой.

Троякого рода обстоятельства подготовили, по нашему мнению, почву для этих печальных заявлений. Во-первых, в начале своей деятельности русские социал-демократы ограничились одной кружковой пропагандистской работой. Перейдя к агитации в массах, мы не всегда могли удержаться от того, чтобы не впасть в другую крайность. Во-вторых, в начале своей деятельности нам приходилось очень часто отстаивать свое право на существование в борьбе с народолюбцами, которые понимали под «политикой» деятельность, оторванную от рабочего движения,

которые суживали политику до одной только заговорщицкой борьбы. Отвергая такую политику, социал-демократы впадали в крайность, отодвигая на второй план политику вообще. В-третьих, разрозненно действуя в местных мелких рабочих кружках, социал-демократы недостаточно обращали внимания на необходимость организации революционной партии, объединяющей всю деятельность местных групп и дающей возможность правильно поставить революционную работу. А преобладание разрозненной работы естественно связано с преобладанием экономической борьбы.

Все указанные обстоятельства породили увлечение одной стороной движения. «Экономическое» направление (поскольку тут можно говорить о «направлении») создало попытки возвести эту узость в особую теорию, попытки воспользоваться для этой цели модной бернштейниадой, модной «критикой марксизма», проводящей старые буржуазные идеи под новым флагом. Лишь эти попытки породили опасность ослабления связи между русским рабочим движением и русской социал-демократией, как передовым борцом за политическую свободу. И самая насущная задача нашего движения состоит в укреплении этой связи.

Социал-демократия есть соединение рабочего движения с социализмом, ее задача — не пассивное служение рабочему движению на каждой его отдельной стадии, а представительство интересов всего движения в целом, указание этому движению его конечной цели, его политических задач, охрана его политической и идейной самостоятельности. Оторванное от социал-демократии, рабочее движение мельчает и необходимо впадает в буржуазность: ведя одну экономическую борьбу, рабочий класс теряет свою политическую самостоятельность, становится хвостом других партий, изменяет великому завету: «освобождение рабочих должно быть делом самих рабочих». Во всех странах был такой период, когда рабочее движение и социализм существовали отдельно друг от друга и шли особой дорогой, — и во всех странах такая оторванность приводила к слабости социализма и рабочего движения; во всех странах только соединение социализма с рабочим движением создавало прочную основу и для того и для другого. Но в каждой стране это соединение социализма с рабочим движением вырабатывалось исторически, вырабатывалось особым путем, в зависимости от условий места и времени. В России необходимость соединения социализма и рабочего движения теоретически провозглашена уже давно, но практически это соединение вырабатывается лишь в настоящее время. Процесс этой выработки есть очень трудный процесс, и нет ничего особенно удивительного в том, что он сопровождается разными колебаниями и сомнениями.

Какой же урок вытекает для нас из прошлого?

История всего русского социализма привела к тому, что самой его насущной задачей оказалась борьба против самодержавного правительства, завоевание политической свободы; наше социалистическое движение концентрировалось, так сказать, на борьбе с самодержавием. С другой стороны, история показала, что в России оторванность социалистической мысли от передовых представителей трудящихся классов гораздо больше, чем в других странах, и что при такой оторванности русское революционное движение осуждено на бессилие. Отсюда само собою вытекает та задача, которую призвана осуществить русская социал-демократия: внедрить социалистические идеи и политическое самосознание в массу пролетариата и организовать революционную партию, неразрывно связанную с стихийным рабочим движением. Много уже сделано в этом отношении русской социал-демократией: но еще больше остается сделать. С ростом движения поприще деятельности для социал-демократии становится все шире, работа все разностороннее, все большее число деятелей движения сосредоточивает свои силы на осуществлении различных частных задач, которые выдвигаются повседневными нуждами пропаганды и агитации. Это—явление, совершенно законное и неизбежное, но оно заставляет обращать особое внимание на то, чтобы частные задачи деятельности и отдельные приемы борьбы не возводились в нечто самодовлеющее, чтобы подготовительная работа не возводилась на степень главной и единственной работы.

Содействовать политическому развитию и политической организации рабочего класса — наша главная и основная задача. Всякий, кто отодвигает эту задачу на второй план, кто не подчиняет ей всех частных задач и отдельных приемов борьбы, тот становится на ложный путь и наносит серьезный вред движению.

Отодвигают эту задачу, во-вторых, те, кто суживает содержание и размах политической пропаганды, агитации и организации, кто считает возможным и уместным угощать рабочих „политикой“ только в исключительные моменты их жизни, только в торжественных случаях, кто слишком заботливо разменивает политическую борьбу против самодержавия на требование отдельных уступок от самодержавия и недостаточно заботится о том, чтобы эти требования отдельных уступок возвести в систематическую и бесповоротную борьбу революционной рабочей партии против самодержавия.

«Организуйтесь!», повторяет рабочим на разные лады газета «Рабочая Мысль», повторяют все сторонники «экономического» направления. И мы, конечно, всецело присоединяемся к этому кличу, но мы непременно добавим к нему: организуйтесь не только в общества взаимопомощи, стачечные кассы и рабочие кружки, организуйтесь также и в политическую партию, организуйтесь для решительной борьбы против самодержавного правительства и против всего капиталистического общества. Без такой организации пролетариат не способен подняться до сознательной классовой борьбы, без такой организации рабочее движение осуждено на бессилие, и одними только кассами, кружками и обществами взаимопомощи рабочему классу никогда не удастся исполнить лежащую на нем великую историческую задачу: освободить себя и весь русский народ от его политического и экономического

рабства. Ни один класс в истории не достигал господства, если он не выдвигал своих политических вождей, своих передовых представителей, способных организовать движение и руководить им. И русский рабочий класс показал уже, что он способен выдвигать таких людей: широко разлившаяся борьба русских рабочих за 5—6 последних лет показала, какая масса революционных сил таится в рабочем классе, как самые отчаянные правительственные преследования не уменьшают, а увеличивают число рабочих, рвущихся к социализму, к политическому сознанию и к политической борьбе. Съезд наших товарищей в 1898 г. верно поставил задачу, а не повторил чужие слова, не выразил одно только увлечение «интеллигентов»... И мы должны решительно взяться за выполнение этих задач, поставив на очередь вопрос о программе, организации и тактике партии. Как мы посмотрим на основные положения нашей программы, мы уже сказали, а подробно развивать эти положения, здесь, конечно, не место. Вопросам организационным мы намерены посвятить ряд статей в ближайших номерах. Это одни из самых больных наших вопросов. Мы сильно отстали в этом отношении от старых деятелей русского революционного движения, надо прямо признать этот недочет и направить свои силы на выработку более конспиративной постановки дела, на систематическую пропаганду правил ведения дела, приемов надувания жандармов и обход сетей полиции. Надо готовить людей, посвящающих революцию не одни только свободные вечера, а всю свою жизнь, надо готовить организацию настолько крупную, чтобы в ней можно было провести строгое разделение труда между различными видами нашей работы. Что касается, наконец, до вопросов тактики, то мы ограничимся здесь следующим: социал-демократия не связывает себе рук, не суживает своей деятельности одним каким-нибудь, заранее придуманным, планом или приемом политической борьбы, — она признает все средства борьбы, лишь бы они соответствовали наличным силам партии и давали возможность достигать наибольших результатов, достижимых при данных условиях. При крепкой организованной партии отдельная стачка может превратиться в политическую демонстрацию, в политическую победу над правительством. При крепкой организованной партии восстание в отдельной местности может разрастись в победоносную революцию. Мы должны помнить, что борьба с правительством за отдельные требования, отвоевание отдельных уступок, это — только мелкие стычки с неприятелем, это — небольшие схватки на форпостах, а решительная схватка еще впереди. Перед нами стоит во всей своей силе неприятельская крепость, из которой осыпают нас тучи ядер и пуль, уносящие лучших борцов. Мы должны взять эту крепость, и мы возьмем ее, если все силы пробуждающегося пролетариата соединим со всеми силами русских революционеров в одну партию, к которой потянется все, что есть в России живого и честного. И только тогда исполнится великое пророчество русского рабочего-революционера Петра Алексева: «Подымется мускулистая рука миллионов рабочего люда, и ярмо деспотизма, огражденное солдатскими штыками, разлетится в прах».

[Н. Ленин]

ВИЛЬГЕЛЬМ ЛИБКНЕХТ.

(Родился 29 марта 1826 г., умер 7 августа 1900 г.).

Со смертью старейшего вождя германской социал-демократии революционный пролетариат всего мира лишился одного из своих наиболее замечательных и неутомимых борцов и руководителей. Не даром весть об его внезапной кончине, как громом, поразила передовых рабочих всех цивилизованных стран. Не только из всех концов Германии, но и из других стран Европы, да не одной лишь Европы, а и Америки, Австралии и даже из южной Африки, Японии посланы были сочувственные телеграммы с выражением глубокой скорби о незаменимой утрате, понесенной международной социал-демократией. Похороны Либкнехта приняли характер и размеры величественной манифестации, в которой приняли участие сотни тысяч, быть может, около миллиона немецких рабочих и представителей рабочих партий Англии, Франции, Австрии, Венгрии, Бельгии, Дании и разных других стран. По единодушным заявлениям всех добросовестных газетных корреспондентов, видевших эту манифестацию, таких грандиозных похорон не удавалось еще ни один король, ни один император.

Всеобщие глубокие симпатии борющегося пролетариата всего мира к Либкнехту, с такой силой и искренностью выразившиеся по случаю его кончины, приобретенные были им многолетней службой делу освобождения рабочего класса, неутомимыми усилиями его на пользу умственного и политического возвышения эксплуатируемых и угнетенных рабочих масс. Представить полную и разностороннюю оценку его заслуг перед международным пролетариатом — значит дать подробное описание его жизни и деятельности, по меньшей мере, начиная с шестидесятих годов, т. е. приблизительно за сорок лет. Но начало его общественной деятельности относится к революции 1848 г., а выработка его убеждений и идеалов, на служение которым он отдал свои способности, началась еще раньше, в те времена, когда в Германии, как теперь в России, не только рабочие, но и буржуазные классы, в особенности образованные их слои, терпели от правительственного произвола и устаревших государственных и общественных порядков. История жизни и деятельности Либкнехта теснейшим образом связана поэтому с историей Германии, а косвенно — с важнейшими моментами и событиями в истории Европы, за период более продолжительный, чем полстолетие. Для того, чтобы представить биографию Либкнехта в таких широких рамках, надобно написать об'емистую книгу. Здесь же мы ограничимся только сообщением нескольких фактов из его полной неутомимой деятельности и борьбы жизни, и, главным образом, из того периода ее, в течение которого он воспитался и подготовился к роли вождя германских рабочих.

* * *

По своему рождению и воспитанию, Либкнехт принадлежит к буржуазии, и именно к тем ее слоям, которые у нас известны под названием «интеллигенция». Как я уже сказал, во времена его детства и юности в Германии господствовало монархическое и полицейское самовластие, от которого больше всего страдали, конечно, низшие городские классы да деревенские массы, находив-

шиеся сверх того под гнетом помещиков; но терпели также и буржуазные классы — торговцы, фабриканты, а в особенности образованные их слои — врачи, адвокаты, учителя, профессора и учащаяся, по преимуществу университетская, молодежь. Вследствие этого буржуазия вообще, а интеллигенция в особенности, проникнута была духом недовольства и оппозиции. Наиболее благородные натуры и горячие головы из интеллигенции проникнуты были сочувствием к народным страданиям, мечтали о таких общественных порядках, при которых не было бы места неравенству и несправедливости, и старались даже распространять свои революционные и социалистические идеи среди рабочих. Внутри самой Германии пропаганда эта велась, конечно, тайно, под страхом строжайших наказаний. Но немецкие рабочие, главным образом, молодые подмастерья, имели тогда обыкновение перекочевывать из одного города в другой и даже из одной страны в другую. Благодаря этому обстоятельству, немецких рабочих в 40-х и 50-х годах можно было встретить сотнями не только в Швейцарии, Франции, Бельгии, соседних с Германией странах, но даже и в Англии. Во всех этих государствах уже до революции 1848 г. были конституционные порядки, дававшие рабочим больший или меньший простор для саморазвития и самодеятельности. Туда направили свои главные усилия те из немецких социалистов и революционеров, которые стремились вызвать среди рабочих сознательное недовольство существующими порядками. Свободные политические учреждения и антиправительственная и социалистическая агитация туземных оппозиционных партий и рабочих союзов в названных странах, конечно, в свою очередь, сильно способствовали умственному и политическому пробуждению немецких пролетариев, на время или надолго водворившихся там. Результатом этого двойного воздействия на них было то, что Швейцария, напр., уже в 40-х годах покрылась сетью немецких рабочих обществ. Союз коммунистов, образовавшийся в Лондоне и издавший, как известно, знаменитый «Манифест Коммунистической Партии», написанный Марксом и Энгельсом, также состоял, главным образом, из немецких рабочих.

Либкнехт еще на гимназической скамье начал уже проникаться революционными идеями и стремлениями передовой интеллигенции. В гимназии он уже зачитывается сочинениями великого социалиста Сен-Симона. Шестнадцатилетним мальчиком он поступил в университет, получив на выпускном гимназическом экзамене высшие отметки. Но при своем «строптивом» нраве и «неблагонамеренном» образе мыслей, яснее говоря, со своим горячим, независимым характером и республиканскими убеждениями, он не мог ужиться с университетскими порядками. Да и не зачем было ему добиваться диплома, так как он скоро пришел к убеждению, что с его социалистическими идеалами и антиправительственными, чисто республиканскими стремлениями, несовместима не только государственная служба, но и профессорская должность, к которой он сначала собирался готовиться. Придя к такому заключению, юный Либкнехт (ему было 21 год) бросает университет, отправляется в свободную Швейцарию и водворяется в Цюрихе, где для заработка поступает учителем в детскую школу. И вместо лекций университетских профессоров он прилежно посещает в Цюрихе немецкое рабочее общество, но не затем, чтобы поучать членов

этого общества, а наоборот, чтобы самому у них «учиться», чтобы в частых беседах с ними знакомиться с положением, нуждами, потребностями и стремлениями немецкого пролетариата. В этот период его жизни — это было в 1847 г. — на почве бесед с рабочими в цюрихском рабочем союзе началось сближение будущего вождя пролетариата с развитыми, более или менее сознательными, кругами рабочего класса, здесь он впервые начал проникаться интересами последнего и горячим стремлением способствовать его умственному и политическому возвышению.

Очень недолго, однако, продолжалось мирное пребывание Либкнехта в Цюрихе. Давно накоплявшееся недовольство французского народа правлением Людовика-Филиппа, который, сообщая с парламентом, покровительствовал денежным королям и вообще богачам на счет рабочих масс и в ущерб других классов, разразилось в феврале 1848 г. восстанием рабочих и низших слоев буржуазии в Париже. Как только до Либкнехта дошла весть о начавшейся в столице Франции великой битве между трудящимися массами и их эксплуататорами, он отправился в Париж, чтобы принять в ней личное участие. Но скоро революционная война распространилась почти по всей Европе и остановилась только у границы полуварварской тогда России, которая, благодаря невежеству и рабскому положению русского народа, своему „богом помазанному“ царю, могла играть только роль спасительного оплота для всех реакционных правительств Европы против грозившей им гибели общеевропейской революции. Уже в марте вся Германия охвачена была пламенем революции: повсюду, начиная с самых мелких из ее государств и кончая самым крупным из них, Пруссией, народ волновался, строил баррикады и с оружием в руках восставал против властителей. Либкнехт, разумеется, поспешил на родину, чтобы вступить в ряды сражающихся за народную свободу. Захваченный в Баденском герцогстве во главе своего отряда правительственными войсками, он только благодаря счастливой случайности не был расстрелян. Его продержали, однако, в заточении девять месяцев, ему все еще грозила смертная казнь; но за два дня до суда в Баденском герцогстве, где Либкнехт сидел в тюрьме, вновь вспыхнуло народное восстание, а в некоторых местах и войска перешли на сторону народа. Сам герцог бежал, и неудивительно, что прокурор и судьи не осмелились в такое время осудить отважного юношу, рискнувшего своей головой для защиты с оружием в руках свободы и прав народа против вековых угнетателей его. Но едва только Либкнехт вышел из тюрьмы, он тотчас же присоединился к революционной армии, против которой выступили соединенные силы реакционных правительств Германии, с прусским во главе, чтобы нанести решительное и окончательное поражение защитникам народной свободы. Действительно, армия борцов за свободу и равноправие окончательно разбита и уничтожена была прусскими войсками, а уцелевшим остаткам ее ничего другого не оставалось, как спасаться бегством за границу, в свободные страны. Либкнехту удалось бежать в Швейцарию.

Поселившись в Женеве, он поступил в местное немецкое рабочее общество, но уже не в качестве ученика, а учителя, пропагандиста и организатора. Он читал там лекции по разным политическим вопросам и событиям современности и недавнего прошлого. В то же время он

поднял агитацию в пользу объединения немецких рабочих обществ, существовавших в главных городах Швейцарии, а когда объединение состоялось, то его выбрали президентом этой общей рабочей организации. Социалистическая пропаганда Либкнехта встретила, однако, отпор со стороны эмигрантов буржуазного или либерально-демократического направления, состоявших членами немецкого рабочего союза или старавшихся влиять на него извне, при посредстве своих сторонников в нем. Они начали войну с Либкнехтом, в которой он, однако, остался победителем. Но деятельность его среди рабочих встревожила и реакционные правительства Европы, в особенности прусское; Либкнехт был поэтому арестован, пробыл в тюрьме три месяца и затем, по настоянию этих правительств, выслан был из Швейцарии. Тогда он отправился в Лондон, сблизился там с Марксом и Энгельсом и, в тесном общении с этими великими основателями учений международной социал-демократии, завершил свое социалистическое воспитание, а в борьбе из-за куса хлеба, живя в вечной нужде, часто впроголодь, временами прямо-таки голодая, он окончательно закалил свой характер и выработался в того непреклонного, самоотверженного и неустранимого борца за освобождение пролетариата, каким знал его весь цивилизованный мир и каким он перейдет в вечную память будущих поколений.

Со вступлением на прусский престол, в 1861 г., Вильгельма I, давшего амнистию так называемым на полицейском жаргоне политическим преступникам, Либкнехт получил возможность вернуться на родину. Он воспользовался этой амнистией, и в 1862 г., после 13-летнего изгнания, мы встречаем его уже в Берлине редактором «Северо-Германской Газеты», основанной бывшим эмигрантом Брассом, сторонником республиканского государственного строя. Вскоре он принимает деятельное участие в оживившемся тогда рабочем движении и в течение второй половины шестидесятих годов увлекает передовые слои рабочих на тот путь, который обеспечил за ним всемирную славу великого учителя и вождя социалистического пролетариата.

Невозможно в немногих словах рассказать деятельность его в этот бурный период германского рабочего движения. Но некоторое понятие о значении ее можно составить себе, если припомнить следующее.

В начале шестидесятих годов социал-демократическая партия Германии находилась еще в младенческом состоянии, да и численно была она очень слаба. Тем не менее, политические и литературные представители высших классов очень ухаживали за передовыми слоями пролетариата и старались привлечь их на свою сторону. Буржуазия и ее вожди, либералы, находились тогда в борьбе с прусским правительством и поддерживавшей его дворянско-поповской партией, мечтавшей о возвращении к тому «доброму старому времени», когда дворянство и духовенство держали народ в рабстве и умственном мраке. Либеральная партия пользовалась поддержкой и сочувствием в городском пролетариате. Правительственная и дворянско-поповская, т. е. реакционная или консервативная, партия со своей стороны, также заискивала у рабочих, стараясь уверить их, что ее стремления во многом совпадают с их интересами, между тем как стремления либералов совершенно противоположны этим интересам. Консерваторы рассчитывали, таким образом, посеять вражду между рабочими

и либеральной партией, т. е. вызвать раскол в противоправительственном лагере и обессилить его до того, чтобы он перестал быть опасным противником для короны и для других привилегированных сословий — дворянства и духовенства. Нужно сказать, что либералы своей до нелепости враждебной тактикой по отношению к Рабочему Союзу, основанному Лассалем, сами того не желая, подливали масла в огонь и помогали прусскому правительству и консерваторам в их расчетах на рабочее движение.

В конце концов вышло то, что политически наиболее деятельные слои рабочего класса в Германии, вскоре после смерти Лассала, распались на два враждебных лагеря, из которых один являлся как бы запасной армией для буржуазных демократов и либералов, а другой одной ногой ступил на дорогу, которая могла бы довести его до роли лейб-гвардии на службе реакционеров, т. е. у злейших врагов народного просвещения, свободы и равноправия. Та часть рабочих, которая оставалась в лагере либеральном, являлась в глазах членов лассальянского Союза слепыми орудиями политических вождей эксплуататоров пролетариата, т. е. действовали против интересов своего собственного класса; а либеральные рабочие находили, что лучше идти за либеральной буржуазией, в борьбе ее против правительства, под флагом свободы, чем поступать наоборот, чем поддерживать его против либералов и работать, таким образом, на-руку монархической и дворянско-поповской реакции. Другого выбора, казалось, не было, — и пропасть, образовавшаяся между этими двумя лагерями, была так велика, что о соединении, повидимому, и думать нельзя было.

Соединительный мост между ними был, однако, построен, да и сама пропасть, разделявшая их, была, в конце концов, засыпана. Работа эта была выполнена под знаменем учений Маркса и Энгельса, и главным руководителем в ней явился Вильгельм Либкнехт.

Он одновременно повел неутомимую агитацию и против сближения с реакционерами и против политической опеки либералов. Он объявил беспощадную войну и тем и другим. Когда вскоре после своего вступления в редакцию «Северо-Германской Газеты» он узнал, что издатель ее продался прусскому правительству и исподтишка старается проводить в ней взгляды последнего, он тотчас же бросил свое место и прервал всякие сношения со своим бывшим товарищем. Бисмарк, ставший незадолго до того времени президентом прусского министерства, через агентов своих предлагал Либкнехту, Марксу и Энгельсу неограниченную свободу пропаганды коммунистических учений в новом правительственном органе и просил только об одном: чтобы они воздерживались от чересчур резких нападений на монархию и правительство и смотрели бы сквозь пальцы, когда в статьях других сотрудников будут высказываться взгляды, сочувственные правительству и монархии; зато на буржуазию и либералов они могли нападать самым беспощадным образом, сколько им угодно. Либкнехт и его друзья с негодованием отвергли эти позорные предложения будущего «железного канцлера». В отместку за это его выслали из Пруссии, где он резко выступал против тех представителей «Общегерманского Рабочего Союза», которые проявляли склонность пойти на удочку правительственной партии. Но из справедливой ненависти против реакции он ни на минуту не забывал противоположности интересов проле-

тариата и буржуазии и необходимости поэтому освобождения его от политического руководства и опеки либералов, представляющих интересы буржуазии. Лассало удалось организовать часть рабочих в самостоятельную партию с особой программой и тактикой; Либкнехт, продолжая дело, начатое его гениальным предшественником, вел неутомимую и смелую борьбу как против опасности, угрожавшей одно время политической самостоятельности тогда еще молодого рабочего движения Германии со стороны реакционных врагов народной свободы, так и против усилий либеральной буржуазии удержать пролетариат от присоединения к этому движению. Вся его жизнь, можно сказать, посвящена была этой борьбе против обоих врагов политической самостоятельности рабочего класса. И редко кому из исторических деятелей довелось в такой мере, как Либкнехту, собственными глазами видеть роскошные плоды своих усилий.

Миллионы немецких рабочих объединены в самостоятельную революционную силу под знаменем социал-демократии. И в то время, как немецкая буржуазия давно уже позабыла либеральные увлечения своей молодости и в трогательном союзе со своими прежними врагами — с государями, дворянством и духовенством — ополчается против свободы и прогресса, социал-демократическая рабочая партия стоит на страже интересов того и другого, защищая их против всяких врагов — все равно, под каким бы флагом они ни выступали: под флагом откровенно-бесстыдных реакционеров или под фальшивым флагом лжелибералов. Покойный Либкнехт бесконечно много сделал для создания этой армии и для обеспечения ей прочного существования. В этом — бессмертная заслуга его перед человечеством.

[П. Аксельрод]

КИТАЙСКАЯ ВОЙНА¹.

Россия заканчивает войну с Китаем; мобилизован целый ряд военных округов, затрачены сотни миллионов рублей, десятки тысяч войска отправлены в Китай, дан ряд сражений, одержан ряд побед — побед, правда, не столько над регулярными войсками неприятеля, сколько над китайскими повстанцами и еще более — над безоружными китайцами, которых топили и избивали, не останавливаясь перед умерщвлением детей и женщин, не говоря уже о грабеже дворцов, домов и лавок. И русское правительство, вместе с холопствующими перед ним газетами, торжествует победу, ликует по поводу новых подвигов доблестного воинства, ликует по поводу поражения китайской дикости европейскою культурою, по поводу новых успехов русской «цивилизаторской миссии» на Дальнем Востоке.

Не слышно только во всем этом ликовании голоса сознательных рабочих, этих передовых представителей многомиллионного рабочего народа. А всю тяжесть новых победоносных походов несет на себе именно рабочий народ: у него отнимают работников для отправки за тридевять земель, с него собирают особо повышенные подати на миллионные расходы. Попробуем же разобраться в вопросе: как должны относиться социалисты к этой войне? в чьих интересах она ведется? каково настоящее значение той политики, которой следует русское правительство?

Правительство наше уверяет, прежде всего, что оно даже не ведет войны с Китаем: оно только подавляет восстание, усмиряет мятежников, помогает законному китайскому правительству восстановить законный порядок. Война не объявлена, но суть дела от этого ни мало не меняется, так как война все равно ведется. Чем же вызвано нападение китайцев на европейцев, этот мятеж, усмиряемый с таким рвением англичанами, французами, немцами, русскими, японцами и проч.? «Враждой желтой расы к белой расе», «ненавистью китайцев к европейской культуре и цивилизации» — уверяют сторонники войны. Да, китайцы действительно ненавидят европейцев, но только каких европейцев они ненавидят и за что? Не европейские народы ненавидят китайцы — с ними у них не было столкновений, а европейских капиталистов и покорные капиталистам европейские правительства. Могли ли китайцы не возненавидеть людей, которые приезжали в Китай только ради наживы, которые пользовались своей хваленной цивилизацией только для обмана, грабежа и насилия, которые вели с Китаем войны для того, чтобы получить право торговать одурманивающим народ опиумом (война Англии и Франции с Китаем в 1856 г.), которые лицемерно прикрывали политику грабежа распространением христианства? Эту политику грабежа давно уже ведут по отношению к Китаю буржуазные правительства Европы, а теперь к ней присоединилось и русское самодержавное правительство. Принято называть эту политику грабежа колониальной политикой. Всякая страна с быстро развивающейся капиталистической промышленностью очень скоро приходит к поискам колоний, т. е. таких стран, в которых слабо развита промышленность, которые отличаются более или менее патриархальным бытом, куда можно сбывать продукты промышленности и наживать на этом хорошие деньги. И ради наживы кучки капиталистов буржуазные правительства вели бесконечные войны, морили полки солдат в нездоровых тропических странах, бросали миллионы собранных с народа денег, доводили население до отчаянных восстаний и до голодной смерти. Вспомните восстание индийских туземцев против Англии и голод в Индии или теперешнюю войну англичан с бурами.

И вот теперь жадные лапы европейских капиталистов потянулись к Китаю. Потянулось чуть ли не прежде всех и русское правительство, которое теперь так распинается о своем «бескорыстии». Оно «бескорыстно» взяло у Китая Порт-Артур и стало строить железную дорогу в Манджурию под охраной русских войск. Одно за другим европейские правительства так усердно принялись грабить, то-бишь, «арендовать» китайские земли, что не даром поднялись толки о разделе Китая. И если называть вещи их настоящим именем, то надо сказать, что европейские правительства (и русское едва ли не первое из них) уже начали раздел Китая. Но они начали раздел не открыто, а исподтишка, как воры. Они принялись обкрадывать Китай, как крадут с мертвеца, а когда этот мнимый мертвец попробовал оказать сопротивление, — они бросились на него, как дикие звери, выжигая целые деревни, топя в Амуре, расстреливая и поднимая на штыки безоружных жителей, их жен и детей. И все эти христианские подвиги сопровождаются криками против дикарей-китайцев, дерзающих поднять руку на цивилизованных европейцев. Занятие Нью-Чжуана и введение русских войск в пределы Манджурии, это — вре-

менные меры, заявляет российское самодержавное правительство в своей циркулярной ноте державам от 12 августа 1900 г.; эти меры «вызваны исключительно необходимостью отражать агрессивные действия китайских мятежников»; они «отнюдь не могут свидетельствовать о каких-либо своекорыстных планах, совершенно чуждых политике императ. правительства».

Бедное императорское правительство! Оно так христиански бескорыстно, а его так несправедливо обижают! Оно бескорыстно захватило несколько лет тому назад Порт-Артур и теперь бескорыстно захватывает Манджурию, оно бескорыстно наводило пограничные с Россией области Китая сворой подрядчиков, инженеров и офицеров, доводивших своим обращением даже известных своею покорностью китайцев до возмущения. На постройке Китайской дорожничим-китайцам платили по 10 коп. в день на их содержании — это ли еще не бескорыстие со стороны России?

Но чем же объяснить, что наше правительство ведет эту безумную политику в Китае? Кому выгодна эта политика? Она выгодна кучке капиталистов-тузов, которые ведут торговые дела с Китаем, кучке фабрикантов, производящих товары на азиатский рынок, кучке подрядчиков, наживающих теперь бешеные деньги на срочных военных заказах (некоторые заводы, производящие предметы вооружения, припасы для войск и т. п., работают теперь во-всю и принимают сотни новых поденщиков). Такая политика выгодна кучке дворян, занимающих высокие места на гражданской и военной службе. Им нужна политика приключений, потому что в ней можно выслужиться, сделать карьеру, прославить себя «подвигами». Интересам этой кучки капиталистов и чиновных пройдох наше правительство, не колеблясь, приносит в жертву интересы всего народа. Самодержавное царское правительство и в этом случае, как и всегда, оказывается правительством безответственных чиновников, раболопствующих перед тузами-капиталистами и дворянами.

Какая польза русскому рабочему классу и всему рабочему народу от завоеваний в Китае? Тысячи разоренных семей, у которых отняты работники на войну, громадный рост государственных долгов и расходов, увеличение налогов, усиление власти капиталистов — эксплуататоров рабочих, ухудшение положения рабочих, еще большее вымирание крестьянства, голод в Сибири, — вот что обещает принести и уже приносит с собою китайская война. Вся русская печать, все газеты и журналы находятся в рабстве, они не смеют ничего печатать без разрешения правительственных чиновников, — и потому мы не имеем точных сведений о том, во что обходится народу китайская война, но несомненно, что она требует денежных расходов во много сотен миллионов рублей. Есть сведения, что правительство сразу выдало на войну 150 миллионов рублей по неопубликованному указу, да затем текущие расходы на войну поглощают по одному миллиону рублей каждые три или четыре дня. И эти бешеные деньги бросает правительство, которое бесконечно урезывало пособия голодающим крестьянам, торгуясь из-за каждой копейки, которое не находит денег на народное образование, которое, как любой кулак, выжимает соки из рабочих на казенных заводах, из мелких служащих в почтовых учреждениях и проч.! Министр финансов Витте заявлял, что к 1 января 1900 г. в казначействе имеется свободная налич-

ность в 250 милл. руб., — теперь уже этих денег нет, они ушли на войну, правительство ищет займов, увеличивает налоги, отказывается от необходимых расходов за недостатком денег, приостанавливает постройку железных дорог. Царскому правительству грозит банкротство, а оно бросается в политику завоеваний, — политику, которая не только требует громадных денежных средств, но и грозит вовлечь в еще более опасные войны. Набросившиеся на Китай европейские державы начинают уже ссориться из-за дележа добычи, и никто не в состоянии сказать, как кончатся эти ссоры.

Но политика царского правительства в Китае представляет из себя не только надругательство над народными интересами, — она стремится развратить политическое сознание народных масс. Правительства, которые держатся только силой штыков, которым приходится постоянно сдерживать или подавлять народное возмущение, давно уже сознали ту истину, что народного недовольства не устранить ничем; надо попытаться отвлечь это недовольство от правительства на кого-нибудь другого. Разжигают, напр., вражду к евреям: площадные газеты травят евреев, как будто бы еврейский рабочий не страдает точно так же, как русский, от гнета капитала и полицейского правительства. В настоящее время поднят в печати поход против китайцев, кричат о дикой желтой расе, о ее вражде к цивилизации, о просветительных задачах России, о том, с каким воодушевлением идут в бой русские солдаты, и проч. и проч. Пресмыкающиеся перед правительством и перед денежным мешком журналисты из кожи лезут вон, чтобы разжечь ненависть в народе к Китаю. Но китайский народ ничем и никогда не притеснял русского народа: китайский народ сам страдает от тех же зол, от которых изнемогает и русский, — от азиатского правительства, выколачивающего подати с голодающих крестьян и подавляющего военной силой всякое стремление к свободе, — от гнета капитала, пробравшегося и в Среднее Царство.

Русский рабочий класс начинает выбиваться из той политической забитости и темноты, в которой находится масса народа. На всех сознательных рабочих лежит поэтому долг всеми силами восстать против тех, кто разжигает национальную ненависть и отвращает внимание рабочего народа от его истинных врагов. Политика царского правительства в Китае есть преступная политика, еще более разоряющая народ, еще более развращающая и угнетающая его. Царское правительство не только держит наш народ в рабстве, — оно посылает его усмирять другие народы, восстающие против своего рабства (как это было в 1849 г., когда русские войска подавляли революцию в Венгрии). Оно не только помогает русским капиталистам эксплуатировать своих рабочих и связывает руки рабочим, чтобы они не смели соединяться и защищаться, оно посылает солдат грабить другие народы ради интересов кучки богатей и знати. Чтобы избавиться от нового ярма, которое взваливает война на рабочий народ, есть только одно средство: созыв народных представителей, которые положили бы конец самовластию правительства и заставили его считаться с интересами не одной только придворной шайки.

[Н. Ленин]

НОВЫЕ ДРУЗЬЯ РУССКОГО ПРОЛЕТАРИАТА.

Избави нас, боже, от друзей,
а с врагами мы и сами справимся.

(Посвящается „Рабочей Мысли“.)

Уже давно в цивилизованных странах правительства поняли, что рабочее движение невозможно истребить одними мерами полицейского насилия. С давних пор политика насилия чередуется с политикой развращения рабочего класса путем отклонения его от его истинных целей, путем обмана рабочего класса. Рабочим внушалось, что для улучшения своей участи они должны пойти доверчиво рука об руку с правительством, отказавшись от требования политических прав. В 60-х годах эту политику применял во Франции Наполеон III, а в Германии Бисмарк.

Жизненный опыт убедил западно-европейских рабочих, что знатные господа, предлагающие им руку помощи, на самом деле самые гнусные враги трудящегося народа. Они поняли, что коронованные особы и тунеядствующие дворяне и чиновники не могут быть их союзниками в борьбе с фабрикантами, что никакое улучшение в жизни рабочих непрочное, пока они не пользуются полной политической свободой, которой нельзя добиться, не уничтожив совершенно всевластия царей, дворян и чиновников.

И западно-европейские рабочие, отказавшись от заманчивых предложений правительств, пошли своей дорогой и собственными силами куют свое счастье. Политика развращения рабочего класса всюду потерпела неудачу.

Вместе с развитием в России капитализма, фабричного производства, растет и рабочее движение, а вместе с ростом рабочего движения создается и для наших правителей соблазн попытаться развратить рабочий класс и отклонить его от уже намеченных целей. Но в западно-европейских странах, где уже давно граждане пользуются кое-какой свободой, там, чтобы сблизиться с рабочими и одурачить их, правительство имеет в своих руках такие средства, как парламент, печать, народные собрания. Чтобы развратить рабочих, там министерствам приходилось создавать свои якобы рабочие газеты или подсылать в законно-существующие партии своих людей, которые бы вели на собраниях проповедь союза между рабочими и правительством. В нашем несчастном отечестве единственное место, где правительство может войти в соприкосновение с рабочими, — это кутузка. И благородное дело внесения политического разврата в рабочий класс приходится поручить жандармам. Вполне пригодным человеком для этой высокой цели является Сергей Зубатов. Не старый еще человек, Зубатов уже немало потрудился на благо престола и отечества. Еще юношей подавал он большие надежды. Едва сойдя со школьной скамьи, он в середине 80-х годов втерся в московские кружки и искал сближения с революционерами. Через свою жену он открыл легальную библиотеку, при которой имелось нелегальное отделение, откуда в студенческую и рабочую среду отправлялась революционная литература. Однажды Зубатову было поручено привезти на квартиру к одному деятелю чемодан с нелегальной литературой. Зубатов выполнил поручение, но через несколько часов на квартиру явились жандармы и произвели у упомянутого деятеля обыск, при чем совершенно определенно искали именно чемодан. Чемодана не оказалось, а Зубатова стали остерегаться.

Вскоре после того публика, группирующаяся около библиотеки, была арестована, и при одном из арестов в Петр.-Разумовской Академии Зубатов фигурировал уже в полицейском мундире.

Непосредственно шпионская деятельность Зубатова на этом не кончилась. В 1889 г. он сыграл роль провокатора в деле социально-революционной партии «Самоуправление» и около того же времени он ездил в Шую, где основал рабочий кружок, который потом и предал.

Теперь Зубатов уже достаточно вымарался в грязи шпионского ремесла, чтобы получить право заниматься кровавым делом царского палача. Он поступил в жандармское отделение и стал помощником начальника московского охранного отделения, Бердяева, того самого Бердяева, которого Зубатов теперь в разговоре с социалистами называет «держимордой». Содействуя Бердяеву в работе по искоренению революционного движения, как истый царский чиновник, он не забывал и о своих личных выгодах: чтобы подняться вверх по служебной лестнице, ему нужно было спихнуть Бердяева. Для этого Зубатов предлагает Бердяеву план разгрома московских социалистов, указывает, за кем и как следить, кого взять, где произвести обыск. Бердяев приводит план в исполнение, а Зубатов тем временем подает донос, указывая, что тот сделал такие-то ошибки, того-то не досмотрел, там перусердствовал, а потому и крамолы не истребил. Бердяева удаляют и Зубатова назначают на его место.

Теперь Зубатов занял видный пост — ему предоставлено оберегать спокойствие капиталистов и царское самовластие в самом сердце России. Московским революционерам пришлось столкнуться с очень ловким противником. За время своего трения в рабочих кружках он хорошо изучил революционную среду и ее слабые стороны и теперь с успехом воспользовался своим опытом. В широких размерах стало развиваться в Москве провокаторство. Провалы следуют за провалами. Революционная работа в Москве стала крайне трудною. Провокаторство так развилось, что в публике естественно образовалось крайне подозрительное отношение ко всему и ко всем. Отдельные лица и небольшие кружки, работающие среди рабочих, боятся вступить в сношения друг с другом.

Приходится сознаться, что социал-демократическое движение в Москве, так много обещавшее в 1896—97 гг., в настоящее время переживает период затишья. Конечно, не Зубатову удастся предотвратить его возрождение в будущем.

Зубатов повторяет приемы знаменитого жандарма 80-х годов Судейкина. На-ряду с провокаторством Зубатов широко пользуется средствами развращения попадающих в его лапы неопытных или слабохарактерных людей. С ними он вступает в разговоры, держится по-джентльменски, старается убедить их в том, что он сочувствует рабочему движению, что он очень озабочен смягчением их участи, предлагает всякого рода сделки и соглашения, при которых-де можно и невинность соблюсти и капитал приобрести, т. е. и товарищей не выдать и в то же время получить смягчение участи. Обыкновенно это делается так: обвиняемый соглашается признать кой-какие обвинения, а Зубатов, взамен того, заканчивает дознание и направляет дело в упрощенном охранном порядке на решение мин. внутр. дел; таким образом участь обвиняемых решается в несколько месяцев, вместо обычных

двух лет предварительного следствия. Многие идут на эту сделку, а те несговорчивые чудаки, которые не соглашаются на такое полюбовное решение дела между социалистами и жандармами, выделяются из общей массы обвиняемых, и их дело направляется в общем порядке. Один из таких несговорчивых товарищей, недавно прийдя в ссылку, имел сомнительное удовольствие встретить своих бывших товарищей по делу уже кончающими свой срок ссылки, в то время как ему приходилось только ее начинать.

Цель, которую Зубатов преследует при предложении этих сделок, очевидна: ему нужно завести социалистов на скользкий путь мирных переговоров с жандармами. Нужно, чтоб большинство вступило на этот путь: всегда найдутся недогадливые, неумелые, наконец малодушные люди, которые, согласившись сказать а, пойдут дальше и проболтают, наконец, всю азбуку; начав с признания того, что, как говорится, «может повредить только мне одному», такой человек начнет мало-по-малу делать такие признания, которые очень и очень повредят другим. Иной пойдет дальше и дойдет до форменного предательства. Ни одно большое московское дело за последние годы не обходилось без самых скандальных предательств со стороны лиц, пользовавшихся прежде доверием товарищей.

А всего важнее то, что, когда многие вступают в та-кого рода соглашения, создается своего рода атмосфера взаимного недоверия и подозрения, в которой своя своих не познаша, и исчезает всякая возможность сообразить, откуда жандармы почерпали свои знания о деле. Нам, по крайней мере, известен случай, когда не удалось точно установить, был ли провокатором известный господин, именно потому, что почти все обвиняемые вступили в соглашение с Зубатовым и «кое-что» признали, каждый за свой счет. Оказалось невозможным решить, совершило ли заподозренное лицо только такую же сделку или же оно первоначально предало всех и вся.

Это и есть политика Судейкина: внести в революционную среду такой разврат, чтобы трудно было отличить, где кончается товарищ, вступающий в приятельские сношения с жандармами и где начинается форменный предатель и провокатор. Судейкин пытался такой политикой расшатать могучую партию «Нар. Воли». Он обжегся на этом деле. Когда зараза жандармского разврата коснулась сердца партии, Исполнительный Комитет «Народной Воли» смелым ударом положил конец гнусной игре: Судейкин был казнен по распоряжению Исполнит. Комитета. Русские социал-демократы должны направить свои усилия на то, чтобы справиться с провокаторским развратом, не прибегая к политическим убийствам. Будем надеяться, что Зубатов дождетя той поры, когда, при свете открытой борьбы за свободу, народ повесит его на одном из московских фонарей.

Успехи, одержанные Зубатовым в Москве, сделали его самым видным деятелем жандармского сыска. Ему стали поручать ведение дел в Твери, Иваново-Вознесенске, Тамбове. С 1898 г. департамент полиции, озабоченный успехами Обще-Еврейского Рабочего Союза, предоставил Зубатову задачу искоренения еврейского рабочего движения.

Зубатовские ищейки подготовили августовский провал 1898 г. в Зап. крае. Были взяты две еврейские типографии, арестована масса лиц. Почти два года предва-

рительного следствия принесло Зубатову сравнительно мало успехов. Тем не менее, по сравнению с местными жандармами, Зубатов кое-чего добился: впервые в процессе Обще-Еврейского Рабочего Союза были случаи оговора: были также случаи заключения сделок упомянутого сорта между Зубатовым и некоторыми обвиняемыми.

Но рабочее движение в Западном крае скоро оправилось от провала и за последние два года приняло открытый политический характер. Организация еврейских рабочих окрепла, и Еврейский Союз, издающий шесть подпольных газет и непрерывно ведущий свою агитационную деятельность, стал внушать правительству все большие опасения.

В марте этого года Зубатов предпринял второй крупный набег на Западный край (Минск и Ковно). Вновь свезена масса арестованных в московскую тюрьму. Пустив в ход обычную тактику, Зубатов в частных разговорах стал уверять арестованных в том, что лишь по недоразумению правительству пришлось встать во враждебные отношения к рабочему движению. Правительство наше, пел Зубатов, не есть правительство классовое, оно не связано с интересами фабрикантов и легко может действовать в интересах рабочих. Для этого нужно только, чтобы рабочие перестали добиваться изменения государственного строя и стремились к улучшению своего экономического положения при существующих порядках. Кассам рабочих и их стачкам наше правительство сочувствует. Если рабочих за эти стачки преследуют, то это не по воле правительства, а по произволу местных чиновников. В таких случаях достаточно сообщить ему, Зубатову, о таких преследованиях, и они прекратятся. Вместо того, чтобы бороться нелегально, еврейские рабочие сделали бы лучше, если бы хлопотали о том, чтобы их тайные кассы были признаны законом. Зубатов обещает полную поддержку в этих хлопотах. Он даже обещал дать 20 тысяч рублей на хлопоты о признании законом союза щетинщиков, который ему очень нравится как организация профессиональная. Заметим, что эта профессиональная организация сознательно примыкает к социал-демократии; между прочим, в майских прокламациях этого года союз открыто выставляет требование конституции.

Освобождая одного из арестованных рабочих, Зубатов на прощание подарил ему «на память» первый том «Капитала» Маркса и заявил, что «разрешает» устраивать кружки саморазвития, лишь бы занятия в них велись по легальным книгам. «Зачем вам Дикштейн, когда у вас есть такие книги, как Богданов?» Кое-кто клюнул на эту удочку Зубатова. Среди организованных еврейских рабочих стали раздаваться речи, показывавшие, что зубатовские предложения о союзе рабочих с царским правительством кое-кого соблазнили. Нашлись люди, которые увлеклись мечтой о признании законом царского правительства теперешних нелегальных стачечных касс (вероятно, бедняги начитались «Раб. Мысли»). Когда вспыхнула в одном месте стачка, некоторые товарищи вступили в частную переписку с Зубатовым по поводу преследований местных полицейских властей. Зубатов по телеграфу дал знать, что правительство приняло к сведению эти сообщения. Стали громко раздаваться голоса о том, что Еврейский Союз должен изменить свою тактику по отношению к царскому правительству.

Центральный Комитет Еврейского Союза считал необходимым в минувшем августе выпустить особую прокламацию, в которой раз'ясняет товарищам всю нелепость и зловредность мечтаний о соглашениях между рабочим классом и Зубатовым, а следовательно и стоящим за его спиной царским правительством. В прокламации выясняется вся невозможность для социал-демократов вступать в сделки с существующим государственным строем и объявляется, что каждый, кто будет поддерживать «политические» сношения с Зубатовым, будет опубликован в газетах как провокатор. Центральный Комитет поступил как нельзя более умно, решившись вложить персты в язвы и открыто выступить при первых признаках грозящей внутренней опасности. Такая политика всегда оказывалась самой выгодной. Уже теперь можно с уверенностью сказать, что зубатовский разврат не затронет ядра еврейского рабочего движения. Громадное большинство сознательных еврейских рабочих с негодованием отвергает политическую сделку с подлейшим из русских жандармов.

Мы привели всю эту историю в виду того, что она имеет громадное значение для всех русских социал-демократов. Если в настоящее время зубатовская политика применена именно к еврейскому рабочему движению, то это потому, что для этого движения уже прошло то время, когда полиция могла тешить себя надеждой покончить с ним при помощи обычных мер насилия и шпионства. С движением русских рабочих пока еще считают возможным справиться обыкновенными мерами. Но так как эти обыкновенные меры в конце концов, не помогают, то естественно ожидать в ближайшем будущем жандармских попыток развратить сознательную часть русского пролетариата, подобно тому, как теперь пытаются развратить еврейских рабочих. Как бы ни были мы уверены в том, что о здравый смысл русского пролетариата, в конце концов, разобьется эта интрига, мы не должны закрывать глаза на то, что при настоящем положении нашего движения мы гораздо менее подготовлены к успешной борьбе с зубатовщиной, чем еврейские рабочие всего Западного края. Достаточно указать на то, что сплоченность отдельных групп и комитетов Еврейского Союза дала возможность Центральному Комитету сейчас же, как только обнаружилась опасность, выступить с предостережением, имея за собой прочную, большую организацию и несколько постоянных органов печати. У нас ничего подобного нет.

И вот почему новая политика правительства по отношению к борющимся рабочим лишней раз настоятельно доказывает нам, насколько нам важно объединение всех сознательных товарищей, насколько важна прочная организация и строгая дисциплина. Против попыток внести политический разврат в рабочее движение бороться с успехом может только крепко сплоченная, дисциплинированная и подвижная рабочая партия. Таков первый урок, который нам, русским социал-демократам, дает история современных зубатовских приключений.

Второй урок еще важнее. Мы переживаем минуту, когда приходится ожидать, что наши правящие враги будут систематически возвращать политическое сознание русского пролетариата, чтобы отвлечь его от пути сознательной классовой борьбы, чтобы вырыть пропасть между экономической борьбой рабочих масс и стремлениями сознательных рабочих к политической и граждан-

ской свободе. В такую минуту, прежде всего, следует задать себе прямо и решить без всякой излишней самоуверенности вопрос: в какой мере мы обеспечены против того, чтобы зубатовская зараза свила себе более или менее прочное гнездо в рядах борющегося пролетариата? Иначе говоря, настолько ли глубоко политическое сознание в наших рядах, чтобы можно было с уверенностью сказать, что всякие заманчивые предложения встретят всегда и всюду надлежащую оценку и отпор?

Каков бы ни был ответ на этот вопрос, одно для нас ясно: русская социал-демократия подписала бы себе смертный приговор, если бы своевременно не приложила все старания к тому, чтобы зубатовская политика разбилась о политическое самосознание русского пролетариата, как о несокрушимую твердыню.

А из этого следует, что, если мы хотим застраховать наше дело от всяких зубатовских сюрпризов, мы должны самым энергичным образом работать над тем, чтобы росту стихийного движения русских рабочих, направленного на улучшение экономического положения, соответствовал рост их политического самосознания. Способствуя возникновению в пролетариате потребности улучшить свое экономическое положение, мы не можем ни на минуту упустить из виду, что недостаточно вырвать рабочие массы из состояния рабской покорности перед капиталистами, но что столь же важно одновременно работать над освобождением их сознания от гнета вековых политических предрассудков, из которых главные — слепая вера в правительство, в царскую милость и отсутствие сознания себя равноправными гражданами того общества, которое живет трудом рабочего класса. На этой почве политической приниженности и отсутствия гражданского достоинства могут пышным цветом разрастись ядовитые семена зубатовской политики. Только расчищая эту почву глубоким плугом открытой революционной агитации, можно надеяться на то, что массовое движение русских рабочих, борющихся за улучшение экономического положения, не заведет их в тупой переулок, не сделает игрушкой политических шарлатанов худшего сорта.

Освобождение рабочих от всех бед современного строя, в конце концов, сводится к их экономическому освобождению из тисков наемной эксплуатации. Но это экономическое, это социальное освобождение немислимо раньше, чем рабочие массы не станут из бесправных рабов всемогущей государственной власти равноправными гражданами свободной страны, свободно и на законной почве работающими над делом улучшения своего положения. Экономическая цель рабочего движения поэтому неотделима от политической борьбы, которая одна только может обеспечить достижение этой цели. А потому развитие политического самосознания, революционная пропаганда политической борьбы должны идти рука об руку с экономическим движением рабочего класса. Мы хотим улучшить свое экономическое положение, мы желаем пользоваться всеми благами культуры, которые созданы нашим трудом и нашим искусством, но мы желаем ими пользоваться не как рабы, а как свободные граждане. Свою нынешнюю долю возмущенных голодных невольников мы не станем менять на ту жалкую долю довольных сытых холопов, которую одну только могло бы нам предложить богопомазанное правительство дворян, жан-

дармов и попов. Взамен этой доли мы стремимся к доле свободных граждан свободного государства, которое одно только обеспечит нам и достижение достойного свободных людей экономического положения. Мы стремимся к свободной демократии, через посредство которой достигнем социализма, а на этом пути у нас нет общих дел с правительством дворян, жандармов и попов. Они такой же наш непримиримый враг, как и фабриканты, которых оно поддерживает всеми средствами военного и полицейского насилия.

Не может быть и речи о поднятии нашего положения на фабрике до тех пор, пока за стенами фабрики народные массы бесправны против орды царских чиновников и в государстве царит кнут. Беззаконие и произвол, царящие в государстве, питают и то беззаконие и произвол, которые царят на фабрике. Не улучшив нашего положения как граждан, мы не поднимем своего положения как рабочих. А потому, борясь против фабрикантов, мы не можем вступать в мирные соглашения с самовластными опричниками. Ни царей ни господ! Ни эксплуататоров на фабрике ни тиранов в государстве! — вот боевой девиз рабочего движения.

Только неустанно распространяя в самых широких массах это политическое сознание, русская социал-демократия выполнит свой долг и предохранит русский пролетариат от жестокого похмелья, которое неминуемо наступит за первыми днями опьянения зубатовскими песнями.

Неотложная необходимость революционной пропаганды и агитации, призывающих массы к политической борьбе и не отступающих перед вековыми предрассудками отсталых масс, — вот мораль зубатовской истории.

[Л. Мартов]

ЦАРСКОЕ ПРАВОСУДИЕ И ЦАРСКАЯ МИЛОСТЬ.

Машина царского правосудия работает во-всю. Во всех углах России жандармы возятся с агитаторами и пропагандистами, судебные палаты и окружные суды при закрытых дверях разбирают дела о стачках и фабричных беспорядках, а для разнообразия военный суд в Варшаве чинит расправу над товарищами, виновными в убийстве шпионов и предателей. Все средства царского правосудия к услугам врагов рабочего класса.

Военный суд в Варшаве совершил свое дело, и три процесса об убийстве шпионов закончились, как и надо было ожидать, смертными приговорами для всех девяти обвиняемых. Но они не были казнены. Когда царское правосудие выполнило свою работу, пришла очередь проявиться во всем блеске царской милости. Царское правосудие за убийство шпиона, совершенное раздраженным рабочим, лишает обвиняемого всех тех средств защиты, которые общий суд предоставляет всяком уголовному преступнику, и судит их упрощенным порядком, постановляя кровавый приговор «по законам военного времени». Царская милость заменяет мгновенную смерть на виселице мучительной, долгой смертью в сибирских рудниках. Свидаерскому, Возняку и Езюровскому всемиловитейше дарована бессрочная каторга, Рутковскому, Глинскому и Червинскому — 20, а Карчу, Мрозику и Кравчику —

15 лет каторжных работ. Как не воздать хвалу царской милости, так удачно дополняющей царское правосудие!

Царская милость даровала польским товарищам только то, на что они имели право по общим законам Российской империи, да и то не все. За предумышленное убийство по общим законам не полагается бессрочной каторги*, так что товарищи Езиоровский, Возняк и Сви-дерский наказаны гораздо суровее, чем всякий уголовный убийца.

Простым распоряжением ген.-губернатора преступления, за которые в законе предусмотрено определенное наказание, предаются военному суду, т. е. простой военной комиссии, которая решает дело по своему произволу, без всякого контроля со стороны сената, ведающего по закону все судебные дела, комиссии, составленной из офицеров, подчиненных тому самому ген.-губернатору, который предал обвиняемых военному суду. А так как всем известно, что воинская дисциплина делает из каждого офицера послушную пешку, исполняющую предписания начальства, то понятно, что военный суд может выносить только такие приговоры, которые ему предпишет генерал-губернатор.

Русский военный суд имеет за собой славную историю. В 1879 г. по приговору одесского военного суда был повешен дворянин Лизогуб только за то, что пожертвовал свое громадное состояние революционному делу. В том же году в Одессе же, по решению военного суда, были повешены социалисты Дробязгин, Малинка и Майданский. Обвинения, выставленные против них, были не такого рода, чтобы приговорить их к смертной казни: по своим стремлениям они не были сторонниками насильственных действий. Но в то время, как они сидели в одесской тюрьме, в Петербурге было совершено покушение на жизнь шефа жандармов Дрентельна. Виновник покушения скрылся, но правительству необходимо было наказать революционную партию, и вот одесских социалистов, отрицавших борьбу путем насильственных действий, казнят потому, что не могут найти действительных виновников таких действий. Эта казнь вызвала негодование всех порядочных людей. Выразителем этого негодования явился один студент, не бывший вовсе революционером, который во время казни приблизился к виселицам и сказал обреченным на смерть слово одобрения. За это слово студент Олеховский был приговорен военным судом к 15-летней каторге. В 1880 г. в Киеве военный суд по приказу ген.-губернатора осудил на смерть юношу Розовского только за распространение прокламаций, т. е. за деяние, которое по закону наказуется тюремным заключением. Розовский не захотел выдать человека, оставившего у него прокламации, и за это должен был умереть. В 1883 г. в Иркутске военный суд приговорил к повешению учителя Неустроева за то, что тот, раздраженный грубостью ген.-губернатора, дал ему пощечину. Неустроев так и был казнен. Около того же времени в Шлиссельбургской крепости были казнены заключенные Мышкин и Минаков тоже за пощечины, данные ими кому-то из начальства тюрьмы. Эти чудовищные приговоры тоже вынесли военные суды. В 1889 г. военный суд в Якутске осудил 30 с лишним

* По русским законам бессрочная каторга назначается только за убийство родного отца. Может быть царь своим приговором хочет показать, что для русского обывателя шпион должен быть так же дорог, как родной отец?

политических ссыльных на смерть и каторжные работы за то, что, когда на них без всякого повода напала военная команда и стала колоть их штыками, некоторые из них отстреливались из револьверов, при чем пять мужчин и одна девушка были на месте убиты солдатами. Из осужденных трое были повешены. Когда же по всему миру поднялся по поводу этой бойни шум, то дело было пересмотрено специально посланными чиновниками, и оказалось, что осужденные были жертвой дикой, бесчеловечной бойни, произведенной озверевшими солдатами по приказу властей. Тогда царская милость «простила» оставшихся в живых социалистов и извлекла из каторги*, после того как вся жизнь их была разбита. Только трое повешенным не могла возратить жизнь всемогущая царская милость! В 1892 г. военные суды в Астрахани, Саратове, Юзовке осудили на смерть десятки несчастных рабочих и крестьян за участие в холерных беспорядках, которые, как тогда же было выяснено, были вызваны грубыми и незаконными мерами полиции. Наконец, в 1899 г. тот же варшавский военный суд приговорил к смерти пять лодзинских рабочих, виновных в том, что пытались взорвать динамитом дом миллионера-фабриканта, при чем ни одна человеческая жизнь не пострадала.

Зато военный суд умеет выносить и кроткие приговоры... когда судит не социалистов и рабочих, а членов своей же клики. В 1896 г. пьяный киевский офицер зарубил шашкой студента; он был приговорен всего лишь к незначительному аресту. В 1899 г. в Ташкенте редактор местной газеты Сморгунер был убит полковником Сташевским за то, что газета Сморгунера обличала преступные дела, совершенные в тех краях военными властями над беззащитным покоренным населением. Полковника Сташевского, виновного в умышленном убийстве безоружного человека, военный суд приговорил к непродолжительному тюремному заключению, а недавно газеты сообщили, что царская милость освободила Сташевского из тюрьмы после короткого заключения, простив ему остающийся срок. За убийство шпиона — смерть, за убийство честного борца за угнетенных — короткое заключение. Рабочего, отомстившего за погубленных братьев, царская милость отправляет на бессрочную каторгу, офицера, мстившего за интересы шайки взяточников, та же царская милость вовсе освобождает от наказания! Рабочему, поднявшему руку на царского шпиона, — смертная казнь! Миллионер Мамонтов, разоривший до тла массу небогатых людей, вложивших свои гроши в его предприятия, обокравший казну, т. е. всех нас, плательщиков податей, — Мамонтов, который, живя в роскоши, около года не платил жалованья почти двум тысячам рабочим Николаевского завода в Иркутской губернии, чем их довел до неслыханной нищеты, этот преступник-капиталист не был предан военному суду: ему пришлось предстать перед обычным судом, судом присяжных, которые его оправдали, приняв во внимание, что в совершенных преступлениях виноват не только Мамонтов, но и министр Витте и другие правительственные сановники, которых царская милость охраняет от всякого суда. Если бы суд присяжных, суд обыкновенных граждан, хотя бы и не из рабочего класса, рассматривал дело об убийстве шпионов,

* Большинство их до сих пор еще состоит под гласным надзором.

если б ему показали, какое зло, какой разврат несут в рабочую среду жандармы и шпионы, сколько жертв они губят, быть может, он не осудил бы тех, кто в справедливом гневе поднял руку на этих гадов.

Рабочие, убившие шпиона, должны сгинуть на каторге! А миллионер-нефтепромышленник из Баку, который не пожелал затратить несколько грошей на принятие необходимых мер предосторожности, последствием чего был несчастный случай на промыслах, стоивший жизни многим рабочим, — этот миллионер отделался несколькими месяцами тюрьмы. За жизнь нескольких рабочих — легкое наказание, за жизнь трех шпионов — лишение жизни девяти рабочих. Вот мера царского правосудия!

Смертные приговоры над Езиоровским и другими польскими товарищами не приведены в исполнение: так выгоднее для царского правительства. Пока ему нужно только запугать рабочих, показать, что в случае дальнейших насилий над священной личностью шпионов оно не остановится и перед виселицами. Обычная слепота русского правительства! Оно не понимает, что тот, кто решается пожертвовать собою для мщения за товарищей, тот не остановится и перед смертью. Оно не понимает, что эти меры застрашивания могут вести только к озлоблению и возмущению и что каждая жертва царского правосудия создает десятки решившихся на все мстителей.

Шпионско-провокационная деятельность жандармерии вызвала за последние годы во многих слоях рабочих наклонность к кровавым мерам борьбы с этой язвой. Кто знает тяжелую обстановку деятельности русского социалиста, кто знает, какие гнусные преступления совершают шпионы его величества, сколько драгоценных сил они губят, как сами завлекают людей в политическое движение, чтобы потом их предать в руки жандармских палачей, — того не удивит жажда мщения, тот не бросит камень в рабочих, решившихся лучше убить одного негодяя, чем дать ему губить все новые и новые жертвы. Террористическая борьба со шпионами есть неизбежное следствие самой шпионской системы, и пока рабочему классу придется вести борьбу за свое дело подпольно, пока он не получит права открыто соединяться и отстаивать свои интересы, пока над каждым борцом будет тяготеть угроза ссылки и тюрьмы за каждый его шаг, — до тех пор нельзя ожидать прекращения такого террора, как нельзя ожидать прекращения постоянно повторяющихся насильственных фабричных беспорядков. Вся нравственная ответственность за то и другое падает на тех, кто, отказывая рабочему классу в каких-либо правах для защиты кровных интересов, в то же время на народные деньги пытается развращать рабочих, вербуя через них шпионов и сея через них всякую нравственную порчу в рабочем классе.

Социал-демократия не может увлекаться такими мерами борьбы, как убийство шпионов. Вся надежда социал-демократии — в движении всего рабочего класса, всей ее массы, и такое средство борьбы, которое, по существу, может быть только делом отдельных личностей, ничего не дает делу борьбы за освобождение всего класса. Отдельные личности или отдельные кружки могут видеть в убийстве шпиона средство охранить от гибели ту часть дела, которой они заняты, и спасти от предательства себя и своих ближайших товарищей. Против того, чтобы шпионы могли наносить большой вред делу, рабочая

партия должна бороться путем выработки такой крепкой и строгой организации, которой никакие провокаторы не могли бы нанести вреда; против всей шпионской системы мы должны бороться, неустанно раскрывая рабочему классу все ее гнусности, призывая рабочие массы беспощадно травить, бойкотировать и выживать (напр., устраивая стачки с требованием удаления шпиона) с заводов всяких шпионов, предателей и изменников. Эти средства борьбы и действительны и незаменимы по своему агитационному значению. Многие склонны думать, что борьба посредством убийства отдельных шпионов может оказать устрашающее влияние на всю шпионскую братию. Мы не согласны с таким мнением. Если верно, что кровавые меры никогда не могут задавить рабочего движения, а только воспитывают в борцах большую ловкость и умелость, то и обратно, террористические меры против шпионов ведут лишь к тому, что побуждают их действовать более осторожно. Пока правительство может бесконтрольно распоряжаться народными деньгами на наем шпионов, пока капиталистический строй создает повсюду море нищеты, подлости, погони за легкой наживой, до тех пор никакими мерами насилия не остановить грязного потока шпионского разврата. Отдельные личности под влиянием нравственного возмущения могут брать на себя борьбу с единичными представителями гнусного порядка. Партия должна бороться не с единичным явлением, а с той почвой, на которой неизбежно вырастают такие явления. А эта почва — полное бесправие всего русского народа и особенно рабочего класса, самовластие царского правительства и общие условия капиталистического строя, порождающего нищету, невежество и погоню за легкой наживой, хотя бы ценой самой подлой услуги тому, у кого есть деньги.

В интересах борьбы с общими условиями современного строя мы должны использовать и новые проявления царского правосудия и царской милости. Мы не берем на себя ответственности за кровавое отмщение, совершенное некоторыми товарищами против царских шпионов. Но мы не можем считать их преступниками. Для нас они — жертвы современного гнусного порядка, и все наше сочувствие на стороне их, отдавших свою жизнь за то, что они считали полезным для общего дела. И мы должны сделать все возможное, чтобы не дать этому гнусному строю окончательно доконать свои жертвы. Мы должны впредь при всяких подобных случаях добиваться того, чтобы вырвать эти жертвы из рук военного суда, чтобы обеспечить для них тот общий суд, которым пользуется каждый нарушитель общих законов. Мы должны требовать, чтобы жизнь шпиона пользовалась только той защитой закона, которая оберегает жизнь каждого обывателя. Мы должны в каждом отдельном случае применения военного суда открывать русским рабочим массам глаза на чудовищную несправедливость царского правосудия. Пока отдельные товарищи на свой страх и риск совершают террористические деяния против того или другого негодяя, мы, как партия, стоим в стороне. Но когда те же товарищи оказываются в положении жертв самовластного царского правительства, по произволу нарушающего общие законы, тогда их дело становится делом всего рабочего класса, и наша партия должна вести агитацию на почве протеста и против исключительных военных судов и против всей шпи-

онско-жандармской системы. И если, как можно ожидать, террористическая борьба будет развиваться вместе с усилением гнета и произвола правительства, то пусть каждый новый факт с его стороны встретится с протестом всего борющегося пролетариата.

Правительство заявило, что намерено расправляться с нами «по законам военного времени». Пусть же весь рабочий класс сознает, наконец, что он обречен на беспощадную войну с существующим строем, на войну, которая не может окончиться ничем иным, как победой одной стороны и уничтожением другой „по законам военного времени“.

Для развития в массах этого сознания мы будем пользоваться каждой новой гнусностью нашего правительства, каждый раз должны мы вести агитацию для возбуждения сознательного протеста рабочего класса. Тогда нашему делу на пользу пойдет каждое новое проявление царского правосудия и каждая новая комедия лицемерной царской милости.

[Л. Мартов]

* * *

По поводу военных судов в Варшаве была распространена следующая прокламация:

КО ВСЕМ РАБОЧИМ И РАБОТНИЦАМ РОССИИ!

Товарищи!

Во всех газетах напечатан приказ варшавского ген-губернатора от 14 июля о том, что варшавские рабочие Франц Свидерский и Валентин Возняк предаются военному суду для суждения по законам военного времени по обвинению в том, что во время стачки в Варшаве в начале этого года убили предателя, рабочего Антона Гржешака. А семь других польских рабочих преданы такому же военному суду—рабочий Червинский за то, что, принадлежа к Польской Социалистической Партии, убил шпиона на фабрике, а горнорабочие Езиоровский, Мрозик, Карч, Кравчик, Глинский и Гудковский за то, что убили машиниста, желавшего донести жандармам, что они принадлежат к социалистической партии польских рабочих.

Об этом суде варшавский ген-губернатор оповещает заранее всех и каждого: все русские рабочие должны знать, что девять польских товарищей будут судиться особым военным судом. Все русские рабочие должны понять и оценить, что значит эта новая ласка русского правительства. Вы знаете, товарищи, что такое военный суд по законам военного времени. Это значит, что несколько грубых офицеров постановят приговор, не слушая объяснений обвиняемых, не давая им говорить всего, что они захотят, не вызывая тех свидетелей, которые могли бы установить правду в пользу обвиняемых. Обвиняемые не будут вольны выбрать себе защитников; им не дано будет право обжаловать в сенат неправильный приговор военного суда. А приговор этот будет кровавый: по ст. 279 воинского устава, о которой говорится в приказе, нашим польским товарищам грозит смертная казнь через повешение.

Смертная казнь! Вот ради чего правительство решило предать военному суду Свидерского и других. Обычным судом у нас за убийство не назначается смертная казнь. И обыкновенный суд неудобен для правительства в таком деле. Тут обвиняемые смогли бы выставить своих свидетелей, могли бы доказать свою невиновность, если не они убили предателей, а если они участвовали в его убийстве, то они смогли бы объяснить, за какие дела убит предатель, и суд оправдал бы их или назначил меньшее наказание. Если бы дело разбиралось окружным судом, то раскрылись бы все обстоятельства дела, а это не по душе правительству; ему нужно решить дело в тиши, так, чтобы ни одна хозяйская или правительственная подлость не выплыла на свет божий. Вот почему назначается военный суд. Пра-

вительству нужно, чтобы обвиняемые рабочие были повешены. Ему это затем нужно, чтобы запугать вас, товарищи, чтобы утратить всех нас, которые не несем покорно своей нищеты и боремся за лучшую жизнь. Против всех нас направлены эти кровавые угрозы русского правительства, и вот почему уже загодя правительство хвалится тем, что хочет пролить кровь наших братьев, и всей русской земле объявляет, что назначен суд военных палачей для совершения этого гнусного дела. Трусами наших польских товарищей хотят остановить рабочее движение. Чтобы наши фабриканты и такие предатели могли спокойно спать и не боялись за свою шкуру, нужно незаконно убить наших товарищей, а для этого их отдают такому суду, перед которым они лишены тех прав, что даются всякому вору и убийце.

Правительство не знает, как справиться с рабочим движением, и в бешеной ярости оно хочет кровью залить его. Не за то повесят наших польских товарищей, что они убили шпиона, а для того, чтобы отомстить варшавским рабочим за их дружную и упорную борьбу за рабочее дело. Свирепому царскому правительству недостаточно уже общих законов для борьбы с нами, так вот оно сочиняет новые, чрезвычайные, особенно гнусные законы специально против рабочего класса.

Товарищи! Дело польских товарищей — наше общее дело. Если мы дадим правительству осудить наших товарищей военным судом, то оно всегда и везде будет этим средством расправляться с нами. Дайте только зверю безнаказанно полакомиться свежей кровью, и он разохотится и будет жаждал еще и еще крови. Если мы смолчим, слыша, что повесили рабочих за преданность общему делу, то никто не будет уверен, что его за стачку, за раздачу листов или за побори шпиону или изменнику не станут судить военным судом. Теперь правительство хочет кровавой жертвой угодить польским фабрикантам, завтра оно захочет дать такой же подарок русским фабрикантам.

Товарищи! Наши несчастные братья томятся теперь в варшавской крепости и знают, что уже строятся для них виселицы: они знают, что не будет от правительства пощады, что никто не вызовет их из беды, — никто, как их братья — рабочие. Если обвиняемые и впрямь участвовали в убийстве, то не для своей пользы они это сделали, а потому, что думали, что помогут этим общему делу. И мы не можем равнодушно смотреть, как их незаконно казнят военным судом. Товарищи! мы призываем вас всеми силами, всеми средствами протестовать против военных судов, протестовать против кровавых замыслов царского правительства. Если во всех городах мы заявим массовый общий протест и выразим свое негодование, то правительство увидит, что рабочий люд не дает безнаказанно убивать своих братьев. Мы зовем вас выступить, как один человек, за несчастных варшавских товарищей. Никто, кто сохранил душу живую, не может спать спокойно, зная, что его братья по труду находятся в смертельной опасности. Если мы что-нибудь можем сделать, чтобы предотвратить смерть, мы обязаны это сделать как можно скорее. Только мы — весь рабочий народ — можем сделать это, не проливая крови; если же мы не вмешаемся в дело, то за гибель товарищей станут мстить на свой страх отдельные пылкие люди, которые не захотят снести такого надругательства над законом и правдой, и тогда будет пролито много крови с обеих сторон. Нет, товарищи, мы не должны допустить до этого. У нас есть могучие мирные средства для борьбы, и мы должны ими воспользоваться; где только можно, как только можно, заявляйте о том, что вы присоединяетесь к нашему протесту против кровавых мер нашего правительства. Пусть правительство увидит, что все рабочие затронуты за живое приказом о военном суде, и тогда оно испугается раздражать миллионы рабочих и не посмеет утвердить кровавого приговора. В наших руках находится, может быть, участь наших товарищей, и кто из нас возьмет на себя грех молчать, когда от нашего слова, может быть, зависит, жить им или нет? Смелее товарищи! Протестуйте против военного суда в Варшаве! Всех не перевешают!

1. Устраивайте забастовки и требуйте отмены военных и чрезвычайных судов и пересмотра дела Свидерского и Возняка судом присяжных.

2. Собирайте большие собрания для составления протеста и разрешайте комитетам партии действовать от вашего имени.

3. Собирайте средства для помощи семействам осужденных.

Российская Социал-Демократическая Рабочая Партия.
(Типография «Южного Рабочего»).

По имеющимся сведениям, этот листок был распространен в С.-Петербурге, Риге, Либаве, Екатеринославе, Харькове, Киеве, Иваново-Вознесенске, Ярославле, а также, повидимому, в Одессе и Николаеве, сверх того в г. Орше, Могилевской губ., где вслед за тем произведено 20 обысков и 14 арестов.

Пусть послужит этот удачный опыт распространения политического листка ободряющим примером для всех товарищей. Мы приучили рабочих во всех концах России к листкам местного экономического характера. Мы обязаны теперь направить все усилия на создание организации для распространения по всей России листков политического содержания, клеймящих всякую гнусность самодержавия, призывающих весь народ к борьбе за освобождение. Группа «Искры» предлагает в этом отношении свои услуги и свою типографию для всех социал-демократических групп.

ИЗ

НАШЕЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ

«Просветительные задачи» России на Дальнем Востоке — и положение народных учителей. Наступила зима, и в наших газетах замелькали опять обычные известия об отчаянном положении народных учителей. Все так привыкли уж к этим известиям! Учителя голодают, учителя мерзнут в тех жалких конурах, которые называются квартирами, учителя обивают пороги председателей управ и предводителей дворянства, выпрашивая, точно милостыню, то грошевое жалованье, которое они честно заработали тяжким, истинно каторжным трудом и которое им не платят по месяцам. Потерпите, господа! У России нет денег, она отдала сотни миллионов на китайскую войну и отдаст еще больше. Наши национальные просветительные задачи находятся теперь в Азии, по ту сторону Амура. Вот когда мы перебьем возможно больше китайцев и захватим («арендуем», «оккупируем») возможно больше китайской земли, — тогда все будет хорошо, и просвещение вернется из Китая в Россию.

А помимо материальных лишений, сколько терпят наши народные учителя унижений, под каким строжайшим надзором они находятся, как будто они были неприятельскими шпионами! Уже не говоря о том, как уродуют и ограничивают их преподавательскую деятельность — они не смеют даже собраться компанией: это сейчас объявляют «сездом», и сельская «политическая полиция» в лице попов, урядников и волостных старшин засыпает начальство доносами. Русское правительство имеет, должно быть, веские основания считать всякого народного учителя от природы склонным к противоправительственной пропаганде. Не даром в самое последнее время оно позаботилось учредить целую сотню новых должностей инспекторов народных училищ. У нас нет денег на улучшение положения учителей, но на усиление полицейского надзора за учителями у нас всегда найдутся деньги.

Горькая нужда, умственное и нравственное одичание — таков удел главных работников народного просвещения. Бедняги! Вас стараются раз'единить и запугать, вам грозят лишением свободы, одиночной тюрьмой и ссылкой за малейшее участие в политике. Но для всякого из вас, кто не потерял еще способности мыслить, все яснее становится безвыходность его положения, тесная зависимость его принижения от политического принижения всего народа, и вряд ли угрозы полицейскими преследованиями могут быть особенно страшны для людей, лишения которых доходят до голодания, людей, настолько бесправных, что их изби-

вают самодурствующие воротилы деревни. Идите в ряды революционной партии! В вашем положении есть много общего с положением городского пролетариата, которого однако труднее раз'единить и запугать и который уже поднял борьбу за политическое освобождение России. Примыкайте к этой борьбе, старайтесь принести посильную помощь рабочему движению, старайтесь сеять в народе понимание значения и целей этого движения. Не может быть плодотворной деятельности на пользу истинного просвещения народа вне борьбы за его политическую свободу. И не может быть плодотворной борьбы за политическую свободу вне рядов рабочей социалистической партии.

Финляндские дела. В Финляндии продолжается политика насильственного «обрусения». После того, как царь открыто и всенародно нарушил клятву, данную его предшественниками и им самим хранить конституцию Финляндии, преследование всех свобод этого мирного и просвещенного народа принимает все более и более характер дикой травли. Поставлены под строжайший надзор полиции народные собрания, сыплется град предостережений, приостановок, запрещений и всякого рода взысканий на финляндскую печать, вводится обязательность русского языка в делопроизводстве правительственных учреждений, готовится уничтожение таможенной самостоятельности Финляндии. Никогда не восстававшие против русского правительства финляндцы держатся с поразительной стойкостью, удивляя весь мир шириной и глубиной своего мирного, строго законного протеста. И эта законность точно еще более озлобляет полицейское правительство. Оно наводит страну шпионами и провокаторами, вызывая на восстание, которое развязало бы ему руки. С испокон века пользовавшихся свободой финляндских граждан оно во что бы то ни стало решило низвести на положение безгласных и бесправных русских обывателей. Правительство решило сравнять всех русских подданных перед лицом самодержца. Ну, что же! Оно достигнет наверняка только одного: оно объединит всех русских подданных на борьбе против самодержавия. До сих пор революционное движение в России отличалось (частью и теперь отличается) значительной раздробленностью: иноплеменное население окраин либо образовывало совершенно отдельные струи движения, либо вовсе не принимало участия в движении (Остзейский край, Финляндия). Теперь дело начинает изменяться: у всех племен Российского государства растет и крепнет рабочее движение, стремящееся стать социал-демократическим движением. И наше правительство с успехом работает над благодарной задачей собирания и соединения всех этих потоков. Оно хочет централизации и обезличения всех подданных — оно работает над централизацией всех революционных сил. Оно хочет показать, что не потерпит свободы где бы то ни было — оно заставит все более широкие слои русского народа присоединиться к кличу: «Да здравствует свободная Финляндия!», «Да здравствует свободная Россия!».

[В. М. Смирнов]

Кризис. Нам сообщают из обеих столиц о застое промышленных дел, о сокращении фабрикантами производства, об уменьшении рабочего дня. Некоторые фабриканты вводят систему жребия, т. е. удаляют часть рабочих по жребью. Капиталисты во многих местах были бы теперь рады стачкам, чтобы иметь предлог распустить рабочих.

Пусть берегутся поэтому рабочие! Стачка — не единственное средство борьбы, и теперешним тяжелым временем для рабочих мы должны усиленно пользоваться, чтобы наглядными примерами раз'яснить рабочей массе значение социализма и готовить ее к более решительной борьбе. Когда дела шли бойко, капиталисты загребали миллионы, биржевые дельцы обогащались на счет рабочего класса и мелких собственников. Рабочие только в немногих случаях и только ценой упорной, стойкой массы жертв борьбы добивались себе в это время хоть небольшого улучшения своего положения. Теперь наступила пора убытков, — и капиталисты выбрасывают рабочих на улицу. А ведь кризис только еще начинается. Приостановка правитель-

ственных заказов в связи с финансовыми затруднениями казны и увеличение налогов придадут еще более широкий и острый характер безработице. Либо промышленная горячка, обогащение горсти тузов, производство товаров, не находящих сбыта, либо безработица и застой в делах, — таковы неизменные порядки во всех капиталистических странах, в которых земля, заводы, фабрики и орудия труда принадлежат ничтожному числу богатых, а масса народа находится в нищете. И только господство социализма, за который борются сознательные рабочие всех стран, может положить конец этому преступному соединению безумной роскоши и массовой нищеты.

Письмо из столицы. Былого антагонизма ведомств между мин. внутр. дел и мин. финансов больше не замечается. Сипягин в значительной степени ставленник Витте, а Витте с Муравьевым заключили мир, и самым простым способом. Дело было так: осенью 1899 г. Муравьев вплотную подобрался к Витте по делу Мамонтова-Максимова. [Максимов был директором железно-дорожного департамента мин. фин. Этот департамент вполне подчинил все железно-дорожное дело *]. Максимов, преследуя одну цель — уменьшение расходов, чтобы доказать доходность до сих пор мало доходных казенных железных дорог, открыто брал взятки (за проведение, напр., под'ездного пути по чьей-нибудь земле)]. Тогда Витте для примирения с Муравьевым просто преподнес ему землю на восточном берегу Черного моря на весьма льготных и выгодных для Муравьева условиях, — и мир был заключен.

Какими приемами руководятся в высших сферах, видно из дела с московским электрическим трамваем. Это дело сильно интересует Москву. Здесь московское купечество, начинающее проявлять стремление к самостоятельности, выступает в новом свете. Дело в том, что Москва хотела выкупить теперешнюю во всех отношениях плохую конку; но одним из крупных ее пайщиков состоит Истомин, de jure управляющий канцелярией ген.-губернатора, а фактически ген.-губернатор Москвы. (Вел. князь без него, при своей крайней ограниченности, шагу сделать не может, так что все решает Истомин.) Неудивительно поэтому, что мин. внутр. дел выкупа не разрешило. Тогда город решил своими средствами построить параллельную электрическую железную дорогу; но для этого решено было сделать общественный заем в 28 миллионов рублей. Министерство, конечно, опять отказало. Теперь город решил сделать частный заем; на бывшем совещании московские капиталисты подписали уже 16 миллионов. А что для теперешнего шефа этого министерства (Сипягина) грязные делишки не новость, доказывается лучше всего тем, что он был пайщиком того игорного дома, за участие в котором судился жандармский полковник Меронвиль де Сен-Клэр **, сосланный в Архангельск, откуда он, конечно, благополучно бежал за границу.

Нельзя не отметить, что настоящее время характеризуется начинающейся, но довольно стойкой борьбой земской левой и некоторых городов (Тверь, Москва, Харьков, Полтава, Нижний, Вологда, Астрахань и т. д.) с администрацией. В то же время замечаются резкие столкновения низших классов с полицией (Луганский, Бузулукский уезды — аграрные процессы).

Рабочие все более привыкают к отстаиванию своих прав, а приемы борьбы, проявляемые правительством, остаются прежними и все более и более раздражают общество. Такое раздражение вызывает, напр., фиксация земских бюджетов, мера сама по себе совершенно бессмысленная, но возбуждающая недовольство в широких земских кругах. Сипягин при этом дошел до такого «провинциализма», что призывал к себе лиц, подозреваемых в агитации против этого проекта, и допытывал у них: не они ли написали циркулирующую записку против реформы. Ему отвечали: «нет, не писали», — и он оставался в глупом положении.

* Хилков — не более как услужливый и бесхарактерный царедворец.

** В сущности этот процесс был замаскирован делом братьев Поповых.

Письмо ссыльного. Товарищи! Настоящее письмо вызвано желанием остановить ваше внимание на одном из актов правительственного насилия, до сих пор не только не использованном, но по странной случайности вовсе не отмеченном нашей нелегальной русской и заграничной печатью; а между тем акт этот, непосредственно касаясь русско-сибирской ссылки, является крайне чувствительным для целой категории политических ссыльных, а именно для рабочих-стачечников, составляющих в настоящее время уже довольно значительный (притом прогрессивно-растущий) процент ссылки. Мы говорим о жестокой и унижительной мере русского правительства, открыто низводящей рабочих-стачечников на степень «лиц порочного поведения» и на этом основании уменьшающей размер пособия, выдаваемого политическим ссыльным в Сибири. (Общий размер пособия в среднем около 9 руб. в мес.; размер пособия стачечникам с января этого года — около трех рублей в месяц; в некоторых же местах Сибири, как напр., в Красноярске, Енисейской губ., стачечники с нового года получают по полтора рубля в месяц.) В Сибири новая правительственная мера, вошедшая в силу с января этого года, применяется, главным образом, в Енисейской губ., куда до сих пор преимущественно ссылают стачечников, рассеивая их по глухим деревушкам по течению Енисея, где часто не существует колоний политических ссыльных, а след., нет места и тому внутреннему уравнению пособий, которое одно могло бы в данном случае служить легальным противодействием грубому правительственному насилию. Низводя рабочего-стачечника на степень уголовного ссыльного или, как формулирует русское правительство, на степень «лица порочного поведения», — исключая его тем самым из разряда политических ссыльных, — упомянутая мера гнет рабочего еще больше морально, чем материально, и след., как со стороны экономического, так и нравственно-политического своего содержания, должна иметь крупное агитационное значение. Именно в этих целях — в целях политической агитации среди рабочего класса — мы просим вас, товарищи, отметить на страницах наших изданий как упомянутый правительственный акт, так особенно желательность протеста против него в той или иной форме, не только среди ссыльных, но и всего рабочего класса. Прибавляем, что в целях широкой популяризации в массах самого факта и идеи протеста мы признавали бы желательным посвящение данному вопросу отдельного издания в форме самостоятельной и популярной брошюры.

Расправа с врагом. Разные есть враги у русского императорского правительства. Кто мог бы ожидать, напр., что в числе врагов его окажется Императорское Вольно-Экономическое Общество? А оно, несомненно, попало теперь в число врагов, и над ним чинят расправу: приостановлено действие старого устава, запрещено допущение публики, устроен полицейский надзор за читаемыми докладами, назначена комиссия для составления нового, «безвредного» устава (в настоящее время эта комиссия, вероятно, закончила уже свои «работы»). В чем провинилось В.-Экон. Общество? В том, что в него попали люди, осмеливающиеся сочувствовать истинному просвещению и открыто поднимать и обсуждать вопросы о народных бедствиях в России. А всякое такое обсуждение, каким бы рабским языком оно ни велось, всегда является обвинительным актом против русского правительства. Эту простую и тысячу раз подтверждающуюся на деле истину с похвальной откровенностью проболтал один член И. В.-Э. О-ва. На одном из заседаний его, когда возбуждался вопрос о мерах, вызываемых императорским приказом о «расправе», сей достопочтенный господин (мы не запомнили, к сожалению, его имени) взывал: «не бывать в России конституции». Замечательная логичность и последовательность! В речах на собраниях И. В.-Э. О-ва слышались отдаленнейшие намеки на конституцию, — чтобы доказать, что в России не бывать конституции, надо расправиться с В.-Э. Об-вом. Надо следить за всеми подобными крамольническими намеками, а задача эта становится все труднее. Растут города, развивается потребность во всяческих союзах, поднимается культурный уровень новых слоев населения, — и наше попечи-

тельное правительство начинает прямо метаться от одного очага заразы к другому. Было Юридическое Общество. Пробрались порядочные люди. Стали заикаться о разных правах. О правах? Долой Юридическое Общество! Были комитеты грамотности. Пробрались порядочные люди и доказали, что при желании можно горсточке людей с ничтожными средствами сделать для просвещения народа больше, чем делают тысячи пресмыкающихся чиновников, оберегающих народ от просвещения. Урезать комитеты грамотности! Было В.-Эк. Об-во. Пробрались порядочные люди. Стала ломиться публика на собрания. Отдать под надзор «Вольное» Общество! Бедное правительство! Как ему много дела, как у него много врагов,—и не только прямых врагов, а еще и врагов скрытых, осмеливающихся лишь слегка сочувствовать, осторожно намекать и почти-тельнейше ходатайствовать!

Для нас, социал-демократов, правительство — прямой враг. Наш долг — извлекать уроки политического воспитания рабочего класса из всякой расправы правительства с мирными и дозволенными законом обществами и учреждениями. Наш долг также всегда напоминать о том, что из врагов нашего врага мы должны уметь выбирать себе союзников.

Студенческие волнения. Нам пишут из Киева от 8-го ноября: «В университете начались волнения по поводу назначения на одну кафедру юридического факультета профессора, который не нравится студентам. Ген.-губернатор пригласил к себе ректора и велел ему удалить профессора, дабы предупредить беспорядки в университете».

Из С.-Петербурга нам доставлен литографированный листок слушательниц высших женских курсов с описанием протеста курсисток против исключения первокурсницы Гусевой за «грубость начальству» (не кланялась инспектрисе, выражала общее неудовольствие ассистентке на экзамене латинского языка, приносила в интернат чужие вещи,— последнее преступление столь же непонятно, сколь ужасны два первые!) Курсистки устроили сходки для протеста и послали депутацию к директору, который заявил, что не может опять принять Гусеву, ибо дело передано в мин. внутр. дел, а за сходки грозил массовыми исключениями без права поступления. Мин. внутр. дел, очевидно, очень мало верит в прочность нашего государственного порядка, потому что оно усмотрело серьезную опасность в этих волнениях: «Через три дня, — читаем мы в листке. — Гусева была выслана административным порядком (в 24 часа) из С.-Петербурга на родину».

«По сведениям, полученным из градоначальства и охранного отделения, выяснилось, что Гусева, не представляя из себя ничего интересного в политическом отношении, высылается по настоянию учебного начальства. Вот факт, комментарии к которому считаем излишними», — заявляет листок.

Мы только что узнали из самых достоверных источников, что в мин. вн. дел усиленно разрабатывается законопроект отдачи в военную службу тех неинтересных в политическом отношении курсисток, которые осмеливаются не кланяться инспектрисе.

P. S. Мы только что получили листок: «От студентов С.-Петербургского университета», за подписью Организационной Комиссии при Спб-ском университете. Листок сообщает, что в Спб-ском университете были две сходки (18 и 20 октября) по поводу высылки Гусевой. На второй сходке было около 900 чел. Ничтожным большинством было решено протестовать не в форме демонстрации, а ограничиться преданием гласности всех подробностей происшествия.

Спб-ские студенты совершенно правы, говоря, что данный случай произвола есть лишь «частичное проявление господствующего режима». Пусть же идут в ряды борцов против режима самовластья все, кому ясна недостаточность одних заявлений протеста.

ХРОНИКА РАБОЧЕГО ДВИЖЕНИЯ

и

ПИСЬМА С ФАБРИК И ЗАВОДОВ⁴.

С.-Петербург.

Фабрика Максвелля. Знаменитое избиение максвелльцев, храбро защищавшихся от ночного нападения разбойнической полиции, вызвало среди рабочих стремление к еще более решительной и упорной борьбе. Один корреспондент-рабочий этой фабрики пишет: ... «Рабочим и крикнуть нельзя, как их грабят. На Руси для этого существует цензура, которая охраняет все подлости, совершающиеся правительством и фабрикантами... Наш враг — царско-полицейский деспотизм, который гнетет рабочих... Товарищи! Постараемся сдвинуть все существующее с места, и вместо старого гнилья создадим новое правление братское, т. е. социальное с царством свободы, равенства и братства». Заметим кстати, что самозащита максвелльцев заставила полицию быть поосторожнее. Полиция остерегается теперь арестовывать по ночам с квартиры, а предпочитает вызывать рабочих в контору завода и арестовывать их там. Угощение поленьями и кипятком не прошло даром!»

Фабрика Паля. Какие безобразные санитарные условия встречаются даже в наших крупных столичных фабриках, видно из следующего сообщения рабочего: «Есть у нас товар буксин, работаем его очень гадким утком, грязным, гнилым и не крученым: такого товару буксина много везде на прочих фабриках. Он известен каждому ткачу; он работает у Чешера, на Выборгской стороне, у Воронина, у Митрофанова и на Петербургской стороне, но такого утка плохого нет нигде, как у нас. Если рабочий начнет вдвигать нитку в челнок без опаски, то получит целый рот пыли грязной, которая собирается во время хода нитки в глазке челнока. Каждая шпуля работает полминуты, нарабатывается два вершка. Если сработать кусок в 80 арш., сколько потребуется сработать шпуль, сколько нужно проглотить пыли, гнилой, пахучей? На этом товаре рабочий не может работать более года, делается больным, и в солдаты не пойлешь, если буксина поработает. Воздух у нас очень плохой, вентиляции хотя есть, да и те поломаные — не действуют. Паровые трубы проведены под полом: пол грязный, дырявый, в щели набилась грязь, и свех пола на вершок грязи; когда пустят пар по трубам, грязь, которая на полу и по щелям набилась, начнет испаряться; в это время пол становится горячим, воздух вонючим, хоть беги вон от станков, да бежать некуда».

Императорский фарфоровый завод находится в селе Александровском, близ С.-Петербурга, по Шлиссельбургскому тракту. Он существует уже давно: в год смерти Ал. III ему исполнилось 150 лет, но по случаю траура торжество не состоялось, зато в день коронации всемирнолюбивейше было выдано по рублю на брата.

Завод принадлежит царской фамилии и изготовляет стекло и фарфор исключительно для двора. Он занимает около 200 рабочих и около 100 служащих.

Таким образом, он принадлежит самому богатому капиталисту в России. Особенность этого капиталиста состоит в том, что от его имени издаются все законы в России, которым должны подчиняться не только все подданные, но и он сам.

Закон 1897 г., который издан якобы для того, чтобы ограничить хоть сколько-нибудь произвол хозяев-капиталистов, уничтожить самые вопиющие безобразия на фабриках и заводах, был подписан Николаем II. Интересно посмотреть поэтому, подчинился ли он сам этому закону, уничтожены ли все эти безобразия на его собственном заводе. Нет, не уничтожены. Такой производ, такие безобразия, какие существуют на императорском фарфоровом заводе, трудно найти на других, даже до 1897 г.

Директор этого завода — генерал Гурьев. Не своими грозными очами, не военными жестами заставляет он трепетать рабочих при своем появлении на завод. Страшен он своею бесконтрольной властью над рабочими. Разве смеет фабричный инспектор явиться на императорский завод? Разве возможно жаловаться кому-нибудь на генерала Гурьева? Еще все помнят, чем кончилась попытка «жаловаться» 15-ти человек точильщиков на директора завода: они явились лично в соответствующее отделение «собственного его величества» кабинета и робко заявили свои претензии. «Как! Скопом бунтовать!», и пошли мои голубчики под конвоем городских в часть и далее на места жительства.

В настоящее время вот как производится расчет на заводе. Плата на заводе задельная, но генерал систематически сбавляет с «задела» сколько ему вздумается. Выработав известную сумму, рабочий никогда не знает, сколько он получит. Сбавляется 10—15—20 руб., по усмотрению. Иногда почему-либо сбавляется и «задел». Если погода хорошая и генеральская подагра утихает в день полочки, рабочие получают сносно; если же туман и дождь, то генерал не знает пощады.

Если генерал считает расценки слишком высокими, сбавь расценки, но вычеты с задела как-то подозрительны. Что-то здесь нечисто. Не даром день ото дня краснеет генеральская подкладка: не под нее ли зашиваются заработанные гроши? Зарабатывают мастеровые 40—50—60 р., но заработок этот редко сполна попадает им в руки. Один рабочий, который прогулял день (видело его начальство пьяным около завода), был посажен на «ползадела» на шесть месяцев. Другой разбил в складе какую-то штучку — «ползадела» на весь год!

Попробуйте примирить эту систему штрафов с положением закона, не допускающего, чтобы сумма штрафов превышала треть заработка и штраф за один прогульный день не превышал рубля (см. ст.ст. 145, 146, 148 Уст. о пром. 1897 г.).

Но верное начальство не все наказывает рабочих, иногда оно их и милует. На фарфоровом заводе оно устроило кассу для рабочих. Удерживается три проц. из заработка, а рабочим выдается 20 руб. на каждое рождение и смерть, 20 руб. на свадьбу и пенсия в случае, если рабочий дослужится на заводе до неспособности продолжать работу. Если рабочий, работая на заводе много лет, не женился и не умер, и уходит с завода работоспособным, он получает фигу. Это, конечно, привязывает рабочих к заводу: прослужив 15—20 лет, рабочий уже не уходит, несмотря на то, что мог бы лучше устроить свою жизнь: ему жалко своих 2.000—3.000 рублей, накопившихся в кассе. С таким рабочим можно не церемониться, можно сбавлять с его задела сколько хочешь, он не уйдет. На императорском фарфоровом заводе сохранились следы... закрепощения.

Касса не обязательна, — о, нет! «Кто не хочет, может не участвовать в ней» — так заявил генерал при начале дела. Когда же один рабочий тут же заявил, что он жениться не собирается и что ему, пожалуй, и нет выгоды участвовать в кассе, генерал ответил: «Подайте мне его паспорт», и «нахала» уволили. У вновь поступающих не спрашивается их желания участвовать в кассе, — просто вычитают три процента.

Чем-то нечистым и здесь пахнет: ведь над генералом нет контроля. Таковы дела на императорском фарфоровом заводе. Страшно подумать, что хозяин этого завода — полный хозяин всей России!

Московская губерния.

Пробуждение кирпичников. Среди различных категорий рабочих, если не наименьшим, то, во всяком случае, чрезвычайно малым вниманием к себе пользуются рабочие кирпичных заводов. Да оно и понятно: кирпичное производство у нас до самого последнего времени стояло на такой примитивной стадии развития своей техники; работа так мало требовала специализации и постоянства состава рабочих, что эти последние скорее походили — да и теперь дело отчасти только начинает изменяться — на поден-

щиков, чем на настоящих заводских рабочих. В самом деле, что из себя представляет кирпичный рабочий? Это серый, забитый, обедневший, но еще не оторванный от земли крестьянин, выходящий с началом весны из деревенской глуши Тульской, Калужской или Смоленской губ. на летние заработки в качестве заводского рабочего. Большую часть года он проводит в деревне в тисках тех пут, которые она всем своим административно-бытовым укладом налагает на человеческую личность. Что же удивительного в том, что он, исполняя временную, эпизодическую, так сказать роль заводского рабочего, остается по существу тем же забитым, обезличенным крестьянином, каким он является в своей деревне, и не только мирится с удивительным, только русскому крестьянину доступным, минимумом культурной обстановки, но даже иногда сам отказывается от тех крох культурной обстановки, которые предоставляет ему закон? Понятно, что в такой среде всякое движение, всякий симптом нарождающегося сознания классовых интересов и вообще проявление сознательного отношения к своему положению, как рабочего, приобретает особый интерес. Я имею в виду движение рабочих на кирпичных заводах Московской губ. в прошлом и настоящем годах. Движение это создано особыми экономическими осложнениями в кирпичном деле в 1899 г.

Нужно сказать, что вообще в последнее время под влиянием развития капиталистической промышленности в России и в Московской губернии особенно, кирпичные заводы стали мало-по-малу менять свою физиономию: появились более крупные предприятия с 500—1.000 чел. раб., техника производства усложнилась. Под влиянием технических усложнений дела изменился отчасти рабочий период деятельности заводов; так, напр., большинство новых заводов стали устраивать у себя, вместо простых напольных печей, более сложные гофманские печи, требующие большой опытности обжигал и могущие работать круглый год. Кое-где заводятся более сложные машины для формовки кирпича; попадают в последнее время заводы, применяющие при выделке кирпича паровые машины. Словом, кирпичные заводы мало-по-малу капитализируются, если можно так выразиться. Этот процесс не остается без влияния на рабочего, который поневоле должен специализироваться и большую часть года, чем прежде, оставаться в шкуре заводского рабочего. В начале кирпичного сезона 1899 г. на его улице настал праздник. Кирпич, благодаря строительной горячке в Москве и постройке трех железнодорожных линий (Повелецкая, Брянская, Виндавская), поднялся в цене невероятно. За строительной горячкой естественно последовала кирпичноделательная горячка: за один летний сезон 1899 г. в Московской губ. пооткрывалось более 50 сравнительно крупных заводов, рассчитанных на 4.000—5.000 рабочих. Маленьких заводов возникло также не мало. Масса рабочих из той же группы, из которой вербуются кирпичники, потребовалась на железнодорожные земляные работы; повысился спрос на рабочие руки для разработки торфа, который усиленно пошел в ход вследствие вздорожания нефти и донецкого угля. Словом, кирпичник оказался «нарасхват» и понял, что и он тоже имеет некоторые права на хозяйские барыши. В начале мая на большом заводе Якунчикова (близ деревни Черемушки, в 15 верстах от Москвы) рабочие устроили стачку и потребовали повышения заработной платы. Заводчик отказал в прибавке. Работы не возобновлялись несколько дней и, когда, после настойчивых требований рабочих, плата не была повышена, они удалились с завода. Никаких бесчинств со стороны рабочих не было допущено. Стачка на заводе Якунчикова была сигналом. Последовала стачка на заводе Челнокова в Мытищах (более 1.000 рабочих), а затем почти на всех заводах рабочие отказывались приступать к работам. Заводчики упорствовали, а рабочие ходили с завода на завод и, встречая нежелание владельцев повысить платы, не начинали работ. Благодаря такому положению дела, в течение почти двух недель ни один более или менее крупный завод не работал. Наконец, хозяева сдались, и рабочие торжествовали победу. Цена за выделку тысячи кирпичей была повышена с 2 р. 65 к. до 3 р. 10 к. (тысячу кирпичей могут сделать двое рабочих в день). Это внезапно проявившееся, хотя и раньше подготовленное капиталистическим ростом кирпичного

производства, движение, кроме повышения зарплаток, дало и другие, еще гораздо более ценные результаты: оно положительно переродило рабочего; со времени стачки его трудно узнать: вместо забитого, на все согласного кирпичника, вы видите перед собою требовательного, понимающего свои права человека, находящегося в явной оппозиции к хозяину. И хозяин стал жаловаться, покачивая головой: «Что за народ стал, что за народ! Просто хоть бросай дело!». Недовольство хозяина не ограничилось, однако, одним покачиванием головой, да причитаниями: в мае 1900 г., т. е. в начале нынешнего сезона, все владельцы более или менее крупных кирпичных заводов собрались в Москве на совет и порешили: 1) задатков рабочим не давать; 2) не повышать платы за тысячу кирпичей выше 2 р. 65 к. (старая цена) и 3) каждому из собравшихся внести залог в обеспечение того, что эти условия он выполнит.

Война, однако, не прерывалась в течение всего только что закончившегося сезона. Едва ли найдется много кирпичных заводов в Московской губ., на которых не было последнее лето забастовки, хотя бы на несколько дней.

Всюду рабочие добивались завоеванной в прошлом году платы, но на этот раз, если не полностью, то в огромной степени победа осталась за заводчиками. Кое-где рабочим удалось добиться увеличения платы на 10 коп. с 1.000 кирпичей. Прибавки эти, между прочим, выдавались как бы тайно: без записи в книжку, повидному, во избежание кары со стороны членов своеобразного синдиката.

Таким образом, второй год борьбы кирпичных рабочих с хозяевами не увенчался полным успехом; в этом сказались относительное бессилие неорганизованного рабочего движения в борьбе со сплоченным врагом. Какова будет дальнейшая судьба возникшей борьбы, увидим; но уж и эти два года оставили на психике кирпичника-рабочего глубокий след.

С фабрики Раббенек. «В России законы пишутся так, чтобы их легче было обходить». Так совершенно справедливо, к стыду русского правительства, полагают московские фабриканты. Обсчитывать и обмеривать своих покупателей не станет теперь ни один порядочный магазин, тогда как фабриканты — эти хваленыя представители отечественной промышленности, эти миллионеры, претендующие на первое место в государстве, систематически обмеривают и обкрадывают своих рабочих.

Сидит, напр., разбойник, по фамилии Раббенек, около станции Щелково Моск.-Ярославской жел. дороги и сосет кровь из крестьянского населения, как вампир. Есть у него красильня с 1.000 рабочих (местных крестьян), там приготавливаются разные цветные материи для Персии и Закаспийского края; а теперь он построил новую ткацкую фабрику с разными усовершенствованиями по последнему слову науки; рабочих тоже около тысячи, только большею частью пришлые, бывалые люди. В мае 1900 г. начала работать фабрика, а в августе рабочие уже запротестовали против хозяйских безобразий. Да и не даром! Порядки на фабрике действительно безобразные. Помещения для рабочих крайне неблагоустроенные: рабочие должны платить за керосин, за воду и за всякую мелочь. Продукты они должны брать в лавке хозяина, хотя цены там гораздо выше, чем в других лавках. Так, напр., за второй сорт мяса с костями они платят 17 коп. за фунт, тогда как на стороне они могли бы иметь то же самое за 14—15 коп., а то и дешевле. По книжке рабочему, подводя итоги, присчитывают на одной страничке полкопейки, на другой $\frac{3}{4}$ копейки и т. д., в общем получают пятак и гривеннички, а для хозяина довольно-таки кругленькая сумма. Заработная плата назначается одна, а выдается другая; беспрестанные штрафы сокращают ее еще больше. А жизнь все дорожает, и все труднее рабочему пробиться на те гроши, которые платит ему фабрикант из своих миллионов. И вот в августе кучка рабочих, человек в 100, потребовала хозяина на фабрику и заявила ему о том, что их обмеривают, когда они подают работу, обсчитывают приказчики в лавке, и потребовала, наряду с расследованием этого обкрадывания, прибавки заработной платы.

Протест был не дружный и далеко не общий, но ведь это была первая попытка отстоять свои права. И хоть не-

многого добились рабочие в улучшении своего материального положения (только в лавке перестали считать полкопейки за копейку), и хоть это вполне спокойное требование рабочих повлекло за собой арест шести товарищей, которых связали (!) и увезли в Москву, обвиняя их в подстрекательстве к «бунту»,—в нравственном отношении оно подействовало хорошо на рабочих, и недалеко, вероятно, время, когда за первой попыткой последуют другие, более удачные.

Харьков.

Через два дня после провала, бывшего 27—28 октября, здесь распространен следующий листок:

КО ВСЕМ, КТО В ПРАВДУ ВЕРУЕТ!

Вихорь злобы и бешенства носится
Над тобою, страна безответная!

В пятницу (27 октября) и отчасти в субботу (28-го) по всему городу были произведены обыски более чем у 120 человек, арестовано около 30 интеллигентов и около 50 рабочих; не пощадили ни пола, ни возраста; не считались с покоем семейного очага, который будто охраняет наше правительство. Тюрьмы, участки переполнены; арестованным придется сидеть в безобразных камерах, которые занимались пьяницами, золоторотцами. «Так им и надо, — не бунтуй!» — говорят жандармы да шпионы и радостно потирают руки: сделано чистое дельцо! То же произошло и в других городах: Питере, Киеве, Ростове... Отвратительная гадина делается все прожорливее, требует все новых жертв, предчувствуя начало конца. Георгий Победоносец растет не по дням, а по часам, и скоро сотрет главу змия... Кто же этот змий и Георгий Победоносец? Вот уж многие века раскололась наша Русь на две России. Не смешивайте их! Одна, так называемая Россия, это—опричнина; другая, неофициальная, подозреваемая Россия, это—земщина. Опричников—сотни тысяч, земщины—десятки миллионов. Кадило и плеть, красный околыш и двадцатое число, загребушая рука и придворная ливрея, синий мундир и предательский язык — вот опричнина. Ее опора—вековая традиция, египетская тьма, тупая покорность; ее оружие — грубое насилие, ложь и произвол. В ее распоряжении организованная сила и казна. Они называют себя охранителями, истинно русскими людьми, под их гнетом стонет земщина, стонет ободранный, как липка, крестьянин, стонет измученный дешевым и тяжелым трудом рабочий, стонет затравленный интеллигент. И вот все лучшие люди земщины, которые не могут слышать спокойно этот стон, которые стремятся сеять «разумное, честное, вечное», называются крамольниками, врагами России, т. е. опричнины. Это они крамольники, которые говорят: «Наше оружие выковано из духа нового времени, наш меч — наука, наш щит — наша правда, наше знамя — любовь к человеку». Это они крамольники, они, а не опричники, которые нагло прикрывают петербургский и московский комитеты грамотности за то, что они тысячи полезных книг пустили в народ; подвергают опале Московское юридическое общество за то, что оно служило законности; изгоняют профессоров — гордость и славу России: М. Ковалевского, Мечникова, Эрисмана, Милюкова и др. за то, что «они глаголом жгли сердца людей». Это ли не наглая ложь!.. Земщина, куда ты смотришь? Погляди, сколько лучших сынов твоих томятся в застенках. Новиков и Радишев, Пушкин и Лермонтов, Герцен и Лавров, Белинский и Чернышевский, тысячи менее талантливых, но не менее любящих родину, подверглись гонению — «правды ради». Длинными вереницами шли лучшие люди науки, а подлая опричнина намечала все новые жертвы. Но никогда на Руси не обострялась так борьба света и тьмы, как теперь. Тысячи людей по всем городам и весям запираются в тюрьмы, а десятки тысяч идут им на смену. Георгий Победоносец уже восстал! Он сотрет главу змия! Слушай! Георгий Победоносец говорит устами покойного Либкнехта: «Вы хотите затоптать движение? Топчите! Здесь вы затоптали вспыхнувший огонек, но и там, и в другом месте, за вами, перед

вами и кругом вас — повсюду прорываются новые пламенные языки. Это подземный огонь, который вы не потушите. Горит почва, на которой вы стоите. Вы хотите схватить бунтовщиков? Хватайте каждого фабриканта, обогащающегося неоплаченным трудом рабочих; помещика, эксплуатирующего батраков; машину, которая производит революцию в промышленности». Георгий Победоносец прав — движение не затоптать: оно приняло массовый характер, земщина просыпается, внутренняя война кипит по всей линии. Выставляйте же активных борцов, выставляйте братьев и сестер милосердия. Перевязывайте раны вашим борцам. Они снова должны устремиться в бой. Организуйте кружки для сбора средств. В средствах активные борцы нуждались всегда. Все, кто сочувствует, кто считает себя принадлежащим к земщине: врачи, адвокаты, литераторы, студенты, рабочие и проч., помогайте потерпевшим в борьбе. Красный Крест будет посредником между ними и вами!

Нижний-Новгород.

В ночь с 11 на 12 сентября 1900 г. на Сормовских заводах были разбросаны прокламации по случаю годовщины сормовских беспорядков. Вкратце дело это заключалось в следующем: заработная плата на Сормовских заводах выдавалась раз в месяц, в первую субботу после 20-го, но не позже 26-го числа. В субботу 24 июля 1899 г. рабочие ждали выдачи заработанных денег, но оказалось, что директор не получил из Петербурга нужную сумму денег для расчета с рабочими, о чем и объявил, и предложил харчевые записки на продукты сормовской потребительной лавки. Харчевые записки в большом ходу, но рабочие берут их неохотно, так как товары в лавках и дороже и хуже. На предложение директора завода, Фосса, взять харчевые записки рабочие отказались и настойчиво требовали выдачи заработной платы. Толпа увеличивалась и достигла тысячи человек; кто-то из заводских мальчиков бросил камень в директорскую квартиру; этого было достаточно, чтобы раздраженная толпа начала шуметь, бросать камни и ломать машины и т. д. Вызваны были из города войска (заводы находятся в 7 верстах от Нижнего), но беспорядки кончились раньше, чем прибыли войска 23 августа 1900 г. московской судебной палатой разбиралось дело о сормовских беспорядках, и из 16 обвиняемых 10 приговорены к аресту от трех недель до одного месяца.

Изданная по случаю годовщины этих беспорядков прокламация приглашает требовать прекращения сверхурочных работ, которые заводчики вводят для того, чтобы понизить расценки, пользуясь тем, что рабочие зарабатывают вначале больше прежнего; восстает против обирания рабочих в потребительской лавке (на харчевых записках рабочие теряют до 20 проц., как было доказано на суде); клеймит «лизоблюдов», которые говорили на молебне о своем глубочайшем прискорбии по поводу прошлогодних беспорядков, о прощении и забвении прошлого. Прокламация зовет к дружной борьбе с хозяевами и правительством и указывает на пример заграничных рабочих, которые давно пользуются политическими правами.

* * *

Мы только что получили известие, что в Нижнем волнения на заводах и аресты. Подробности надеемся сообщить в след. №.

Екатеринбург.

Помещаем ниже письмо рабочего одной екатеринбургской типографии о выигранной стачке. Пересылая это письмо, наш корреспондент сопровождает его характеристикой сильно изменившегося за последнее время настроения екатеринбургских типографчиков.

«Есть, напр., здесь типография, — пишет он, — человек в 30—40. Года два тому назад в ней царили самые патриархальные отношения. Заведующий, самодур, общался с рабочими крайне грубо, никаких законов не при-

знавал. „Как хочу, так и ворочу“. Теперь времена переменились, здесь спрос на типографчиков, и они могут выбирать — переходить из одной типографии в другую. Рабочие не спускают теперь заведующему ничего и, чуть что, идут к фабричному инспектору или требуют расчета. Ездил заведующий к губернатору жаловаться, что рабочие уходят. „Как же они уходят, — спрашивает губернатор, — все сразу?“ — Нет. — „Ну, так что же я могу сделать? Это показывает только, что у вас рабочим плохо жить“. Так и уехал заведующий от губернатора ни с чем. Особенно отличаются ученики. Подростки все бойкие, грамотные, книжку едят, как белый калач. С ними хозяину нет никакого сладу. Заставляет он их, напр., не в рабочие часы разносить корректуры. Сговорились между собой мальчики и заявили хозяину, что корректуры носить не станут, — не их дело, да и занимать их в неурочное время он не может. — „Вон пошли! Заставлю, и ночью будете работать!“ — Ну, нет, — заявляет один из мальчиков, — это рабство, а времена рабства прошли, все вперед двигается. Пожалуйте расчет. — „Да вы что! Белены обелись? Стачку устраиваете?“ — Ну, нет, — говорит один из мальчиков, — я читал, какие стачки-то бывают, по две тысячи человек, а мы что же, — всего три мальчика.

«А заведующему без мальчиков нельзя обойтись; перестал он посылать их с корректурами, но принялся еще трех мальчиков и велел метранпажу поскорее подучить их. Метранпаж все настрачивает, но не зевают и старые ученики: „Мы, рабочие, — толкуют они новичкам, — должны дружно держаться!“ Зовет хозяин прежних мальчиков и объявляет им расчет, смотрит, и новички тоже расчета требуют. „Вы чего? Сами, ведь, просились: возьми, да возьми, а теперь расчет!“ — Что же, что просились, а теперь не хотим служить, раз вы так с нашими товарищами поступаете. — Плюнул заведующий и оставил всех трех мальчиков все работают и корректуры не носят. Да и не только заведующему, а и рабочим старой закваски иногда приходится от учеников. Так, напр., раз один рабочий ударил за что-то ученика. Смотрит, все ученики бросили работу, окружили его, и один из них выступил с речью: „Как вам не стыдно так поступать? Не можете разве словесно объяснить? Я вам перед всеми рабочими заявляю, что так стыдно поступать“. Побежал рабочий жаловаться заведующему, а тот говорит: „Что я с ними, чертями, делать буду?“.

«В былые времена, в день тезоименитства заведующего, рабочие подносили ему подарок, а он угощал их. В этом же году часть рабочих отказалась на подарок давать: найдется лучшее употребление деньгам. Заведующий обиделся и не принял подарка от остальных. Так и стоит графинчик с музыкой и вертящимися рюмками в шкапу, весь запыленный, а рабочие подсмеиваются над усердствовавшими товарищами.

Письмо рабочего: «В понедельник, 28 августа, хозяин мастерской, в которой я служу, объявил рабочим: так как работы поступило много и есть спешный громадный заказ, то необходимо работать праздники до обеда. 29-го был праздник годовой (этот праздник не был внесен в таблицы внутреннего распорядка), рабочие пришли и проработали до обеда, сильно негодуя. 30 августа раньше работали только до обеда, хотя тоже не внесено в таблицы. Хозяин объявил: работать целый день! 30 августа никто не явился на работу, не исключая ни мальчиков, ни престарелых рабочих. Пришел только один депутат объявить хозяину волю своих товарищей, а эта воля состояла вот в чем: 1) пересмотреть таблицы праздников: те, которые на внесены, внести и засвидетельствовать фабричной инспекцией; 2) всеобщая прибавка жалованья, не исключая никого; 3) ранее трех месяцев не рассчитывать никого, раз хозяин согласился на условия рабочих.

«Депутата угощали водкой, раками, заграничными сигарами, говорили с ним ласково, хотя сами сидели, как на иголках, и часто менялись в лице. Грозил жандармами, кандалами, тюрьмой и кончили тем, что согласились на все условия. Хозяин только повторял: „Ладно, я на все согласен, только принимайтесь за работу скорее“. Стачка длилась один день и дала блестящие результаты. Рабочие чувствуют себя бодро, смотрят смело и энергично. „Веди нас, — говорят они, — мы завоюем с тобой города“.

Письмо из той же типографии от 23 октября: «Теперь у нас две смены, дневная и ночная, дневная работает 10 часов, а ночная 8 часов. Прибавка жалованья последовала тут же, после соглашения. Кто получал 15 руб., тот переехал на 17, на 20. Обхождение хозяина переменилось до неузнаваемости. Старики-рабочие дивуются. „Вот, брат ты мой, 17 лет работал, как свечка стою, а окромя «ребята», да «ты» — ничего не слышал, а тут, на поди, «вы», да «господа» только и слышишь». Но рабочие и этим недовольны и расходятся туда, где еще выгоднее, в особенности молодежь. Явился спрос на наши руки, и для молодежи жалованье идет быстрыми скачками: не редкость перешагнуть с 12 на 20 руб., но кто получает 25—30, тому перешагнуть на 40—45 очень трудно...»

Ткацкая фабрика братьев Макаровых. 20 сентября администрацией фабрики было объявлено рабочее понижение заработной платы на 10 проц. 36 человек ткачей категорически отказались от работы и заявили в конторе, что они будут жаловаться на все притеснения и обиды, причиняемые рабочим как самими братьями Макаровыми, так и лицами, которым вверен надзор за работами, и не примутся за работу, пока фабричное правление не прибавит сверх бывшей нормы заработной платы еще 20 проц. Кулаки Макаровы, купно с директором, ответили смехом на требования рабочих и объявили этих 36 человек неслужащими, т. е. просто прогнали с фабрики. Тогда они начали останавливать идущих на работу товарищей речами, чтобы все не работать, а иногда пускались в ход и кулаки. 21 сентября явилось на работу 15 чел. из 350. Тогда бр. Макаровы, не долго думая, дали знать полиции, а рабочие предупредили жалобой, поданной как местному фабричному инспектору, так и пермскому. В жалобе были выставлены все придирки, незаконные штрафы и неисполнение договоров и обязательств в отношении к ткачам, привезенным из Москвы. Ткачи эти наняты были на 35 руб. жалованья; через три месяца их поставили на сделную работу и, вместо 35 руб., они заработали не более 22 руб. Присутствие пермского фабричного инспектора и его уговоры уступить рабочим не подействовали на братьев Макаровых. «Закроем лавочку.— говорили они.— а не уступим». Потеряв надежду на пермского фабричного инспектора, рабочие подали жалобу в СПб., за своими подписями. Подписей было около 300. С 20 сентября длится стачка. Ежедневно происходят жаркие драки стойких рабочих с малодушными и полицией. Жандармерия тоже работает, но без успеха, и которых забирает то в скором времени выпускает.

Дальнейшие известия: из СПб-га приехала комиссия из четырех человек, уговорили фабрикантов Макаровых уступить: плата повышена и заплачено за все прогульное время, но в сокращении рабочего времени и в введении третьей смены отказано.

Как только приостановили движение грузов по Сибирской жел. дороге, благодаря китайской войне, Макаровы сбавили расценку на полкопейки с утка, говоря, что товар залеживается и не идет в ход. Сделано это было с согласия рабочих, которые думали, что сбавка временная. В сентябре Макаровы сбавили еще полкопейки. Рабочие отказались от работы. Теперь снова введена прежняя плата.

Комиссия требует с Макаровых за проезд из Петербурга. «Мы вас не требовали, требовали вас рабочие, пускай они и платят». Рабочие говорят: «Мы не робили, нам заплатить нечем». Пришлось заплатить Макаровым.

Одесса.

Война с китайцами прихлала солоно одесским портовым рабочим. Администрация зафрахтовала все коммерческие суда для загрузки военных пароходов, отправляемых в Китай. При этом вся работа по загрузке исполнялась солдатами. Масса портовых рабочих осталась без работы. Несколько раз безработные требовали, чтобы им

дали хлеба или работы. А когда их просьбы не были уважены, они в день торжественной посадки войск на суда произвели основательный разгром магазинов одесской буржуазии. Хотя во время беспорядков и происходило уничтожение имущества евреев, тем не менее они отличались от обычных «еврейских погромов». Наряду с еврейскими мещанами и ремесленниками пострадали крупнейшие одесские капиталисты, как христиане, так и евреи. Особенно ожесточенному разгрому подверглась самая богатая улица—Дерибасовская. Теперь одесский градоначальник, ничего не сделавший для того, чтобы не остались без хлеба тысячи портовых рабочих, проявляет чрезвычайную «энергию» в деле подавления «бунта». Арестовав не более, не менее 1.041 чел., он выслал по этапу на родину всех иногородных, местных же жителей подверг аресту на три месяца. Тому же наказанию он подвергает каждый день лиц, виновных «в распространении ложных слухов относительно беспорядков». Таких лиц, судя по приказам, печатаемым в газетах, оказывается очень много. Да не мудрено: тот же градоначальник запретил печатать в одесских газетах что-либо, относящееся до беспорядков. Откуда же публике знать, какие сведения верны и какие представляют «ложные слухи». Повидимому, одесский градоначальник хочет заставить население прекратить всякие разговоры об этих событиях. Что ж? Русский администратор не остановится и перед таким безумным предприятием... Все эти расправы совершаются, конечно, без суда, на основании положения об усиленной охране.

В г. Николаеве, в день 1 мая несколько сот рабочих на Черноморском заводе не работали и торжественно отпраздновали всемирный рабочий праздник. За такое преступление 53 семейства высланы из Николаева по распоряжению губернатора.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРЕНИЕ.

ИТОГИ МЕЖДУНАРОДНОЙ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИИ.

Наша газета появляется в свет в конце последнего года XIX века, в такой момент, когда социал-демократия всех стран будет стараться дать себе отчет в том, что достигнуто ею с тех пор, как она стала во главе рабочего движения, с какими очередными задачами вступает она в новое столетие и какими силами и средствами располагает она для их решения. В тесных рамках газетной статьи и принимая во внимание недостаточное знакомство большинства русских читателей с историей и современным состоянием международного рабочего движения трудно дать надлежащий всесторонний ответ на все эти вопросы. В предлагаемой статье я ограничиваюсь поэтому попыткой представить лишь общий итог этого движения, и притом главным, почти исключительным образом, с целью выяснить и оправдать перед читателями ту точку зрения, с которой в нашем органе будут оцениваться события, факты, явления освободительной борьбы пролетариата. Мы считаем нужным заранее указать нить, которой будем руководствоваться в лабиринте международной общественной жизни, и установить масштаб, которым будем измерять историческую важность отдельных проявлений ее и поступательного хода освободительной армии рабочего класса. Надеюсь, что читатели не посетуют на нас за то, что мы ради такой цели откладываем обозрение текущих событий до следующих номеров.

I.

Было время, когда одни только «друзья народа» упрекали социал-демократов в том, что они будто ничего не делают для улучшения жизненных условий пролетариата в современном буржуазном обществе, что, стремясь к социалистической революции, они-де совершенно забывают о сегодняшних, неотложных нуждах и интересах рабочих масс. При этом «народолюбивые» враги социал-демократии указывали на рабочее движение Англии, как на пример, достойный всеобщего подражания, как на образец настоящего, истинно разумного, или, как у нас недавно выражались, «чисто» рабочего движения. Что буржуазные ученые, писатели и политики так безусловно превозносили ремесленные и потребительные союзы Англии на счет социал-демократического движения, в этом нет ничего удивительного. В глазах буржуа, хотя бы и самых либеральных и гуманных, союзы эти уже потому заслуживали величайшие похвалы, что не «увлекались» самостоятельной политической борьбой, а наоборот, доверчиво шли за либералами (а иногда, увы! и за консерваторами) — поскольку их члены вообще интересовались политикой — и социализма знать не хотели.

Гораздо удивительнее то, что в последние годы появились господа, которые, под флагом социал-демократии, почти-что повторяют те же мудрые речи и те же упреки по ее адресу, что прежде высказывали явные враги ее. Господа эти, по своим вкусам и стремлениям, не далеки, повидимому, от библейского охотника Исава, который, как известно, за чечевичную похлебку продал свое право первородства. Им хочется, чтобы и рабочие организации, борющиеся теперь под знаменем революционного социализма, отодвинули всякие помыслы о социалистической революции на задний план и сосредоточили все свои усилия и все свое внимание на заботах о сегодняшнем дне, на борьбе за частичные, непосредственные улучшения в жизни рабочих. Если не совсем, то в значительной степени и для них программа и тактика, долгое время господствовавшие в рабочем движении Англии, являются идеалом, который должны бы усвоить рабочие партии всех стран.

Слушая полусоциалистических и явно буржуазных поклонников старых английских рабочих союзов, можно думать, что эти последние бог знает каких громадных улучшений добились для рабочего класса Англии, между тем как социал-демократия, господствующая в рабочем движении большинства всех других стран, не только сама ничего не сумела или даже не хотела добиться для поднятия жизненного уровня представляемого ею пролетариата, но еще и другим мешала плодотворно работать для этой цели. На самом же деле деятельность социал-демократических партий на материке Европы далеко не так безрезультатна и для экономического положения рабочих масс, как это утверждают ее противники, а с другой стороны, результаты, достигнутые английскими рабочими союзами, совсем уж не так велики, как это кажется их безусловным поклонникам и хвалителям. Дело в том, что на успехи этих союзов они смотрят сквозь увеличительные стекла, а на плоды социал-демократического движения — сквозь стекла уменьшительные. Кроме того, они закрывают глаза или нарочно обходят

молчанием два обстоятельства, имеющие первостепенное значение для сравнительной оценки результатов рабочего движения Англии и других передовых стран Европы. Как известно, в Англии рабочие начали организованную борьбу со своими эксплуататорами значительно раньше, чем даже во Франции и Германии, не говоря уже об Австрии, Италии, Дании, Швейцарии и т. д. В пятидесятых годах английский пролетариат обладал уже сильными организациями, с огромным числом членов и богатыми кассами, а на материке Европы пролетариат спал еще глубоким сном или, как во Франции, пребывал в оцепенелом состоянии после страшного кровопускания, вынесенного им во время июньского восстания 1848 г. Эпоха современного рабочего движения даже в передовых странах, за исключением Англии, начинается, собственно говоря, около 60-х годов и только в последнее десятилетие оно достигает в некоторых из них той силы и того размера, каких оно достигло в Соединенном Королевстве уже около середины нашего века. При чем же тут социал-демократия? По меньшей мере, странно винить ее за то, что пролетариат, значительно позже выступивший на путь борьбы со своими эксплуататорами, не добился от них еще таких уступок, как в Англии, рабочее движение которой чуть не полвека старше, чем в Германии, Австрии, не говоря уже о других европейских странах.

Но еще более существенным является то обстоятельство, что в период расцвета и упрочнения своих крупнейших рабочих организаций, английский борющийся пролетариат находился в сравнительно более выгодных условиях для достижения непосредственных улучшений в своей жизни, чем пролетариат в главных странах материка Европы в соответствующий период своего развития. Известно, напр., какое влияние имел на положение английских рабочих тот факт, что еще в первые десятилетия последней половины нашего века эти страны, как и Северная Америка, по своему промышленному развитию стояли так далеко позади Англии, что не только не делали ей конкуренции своими промышленными изделиями вне своих границ, но и сами еще покупали и потребляли продукты ее промышленности, служа рынками для их сбыта. Всемирное промышленное господство Англии имело своим непосредственным результатом то, что все новейшие усовершенствования в путях сообщения и перевозки товаров на первых порах повели к очень быстрому увеличению и небывалому расширению производства ее фабрично-заводских продуктов, к возрастанию спроса на рабочие руки и тем самым к улучшению положения рабочих в борьбе с предпринимателями. С другой стороны, и сами предприниматели, благодаря быстрому увеличению своих барышей, легче сдавались на требования рабочих. Они имели возможность за всякое чувствительное увеличение издержек на заработную плату заставлять расплачиваться покупателей их товаров в разных государствах, во всех частях света. Но эта возможность начала быстро исчезать или, по крайней мере, сильно уменьшаться с тех пор, как страны, прежде вывозившие за границу, главным образом, сельскохозяйственные продукты, сильно подвинулись вперед в промышленном отношении и, вместо того, чтобы служить рынками для изделий английской промышленности, сами стали производить и вывозить таковые в другие

страны, не исключая самой Англии. В разгоревшейся ожесточенной экономической борьбе между капиталистами не одного только государства, а целого ряда промышленных государств одерживали победу те, которые продавали дешевле свой товар, а расплачиваться за то приходилось уже, главным образом, рабочим. Не пускаясь в дальнейшие подробности, отмечу только, что вследствие сильного развития международной конкуренции, в связи с распространением все более и более усовершенствованных машин и вытеснения взрослых, профессионально подготовленных рабочих необученными ремеслу рабочими, женщинами, подростками и даже детьми, экономическая борьба так называемых ремесленных союзов с предпринимателями стала гораздо труднее, чем в Англии в 50-х и 60-х годах. А хуже всего было то, что около того времени — в 70-х годах — когда рабочее движение на материке Европы начало принимать очень широкие размеры, приобретать большую силу и прочность, около этого самого времени разразился мировой промышленно-торговый кризис, сопровождавшийся застоем в делах, с короткими периодами оживления, вплоть до середины истекающего десятилетия. При таких условиях организованному пролетариату оставался один выход: направить свои главные усилия на борьбу за законодательную защиту рабочих от чрезмерной эксплуатации их предпринимателями. Но и на этот путь у борющихся слоев пролетариата в большинстве европейских государств оказались трудности, частью совсем неизвестные английским рабочим, а частью уравновешивавшиеся одним очень выгодным для них обстоятельством: ожесточенной борьбой торгово-промышленной буржуазии с землевладельцами из-за отмены пошлины на хлеб и враждой, продолжавшейся между ними довольно долго и после отмены этих пошлин.

В Англии, как всем известно, уже больше двух веков существуют конституционные порядки, а к тому времени, когда рабочее движение в ней стало развиваться особенно широко, политическая свобода и верховная власть парламента — в управлении государством — составляли уже прочную, никем неоспариваемую, незыблемую основу политической жизни английского народа. Правда, полного уничтожения всяких ограничений прав составляли союзы для стачек английские рабочие добились лишь в начале 70-х годов. Но, во-первых, и до этого их ремесленные организации все-же пользовались большой свободой. А во-вторых, если им и приходилось временами подвергаться притеснениям и преследованиям, то это вознаграждалось для английских рабочих чрезвычайно широкой свободой отстаивания своих интересов политическими средствами. О такой свободе печати, собраний, уличных манифестаций и т. д., какой они давно уже пользуются, пролетариат Германии, Австрии, Италии и по сию пору понятия не имеет, да и сама Франция в этом отношении стоит еще позади Англии. И вот, на почве такой широкой политической свободы на помощь английским рабочим явилась вражда между господствующими классами из-за высоких ввозных пошлин на иностранный хлеб и сырье. Либеральная партия, отстаивая интересы торгово-промышленной буржуазии, требовала отмены этих пошлин, вдвойне мешавших быстрому расширению фабрично-заводских изделий Англии: они, во-первых, искусственно повышали издержки про-

изводства этих изделий, во-вторых, они побуждали другие государства, со своей стороны, совсем запрещать или сильно затруднять ввоз продуктов английской промышленности, облагая их крайне высокими пошлинами. Само собою разумеется, что английские землевладельцы находили чрезвычайно несправедливым такое покушение на их доходы и долго и упорно сопротивлялись требованию фабрикантов и заводчиков. Вражда, разгоревшаяся, таким образом, между либеральными представителями промышленных классов и консервативными представителями землевладельцев, привела, между прочим, к тому, что каждая из этих партий, стараясь выставить себя «другом всего народа», из мести и досады на противника, в том или ином вопросе иногда действительно становилась на сторону рабочих. Так, английскому пролетариату удалось при помощи консервативной, т. е. землевладельческой партии, добиться еще в конце 40-х годов законодательного ограничения рабочего дня десятью часами для подростков и женщин, а после, при помощи либеральной партии, — расширения общего избирательного права.

Нельзя сказать, чтобы недружелюбие и даже взаимная вражда эксплуататорских классов в других странах никогда не оказывали никаких услуг рабочему классу. Известно, что германские рабочие общим избирательным правом (для имперского парламента) в значительной мере обязаны стремлению прусского правительства и дворянско-поповской (консервативной) партии в 60-х годах показать, что не их либеральные противники, а они являются истинными друзьями народа. Но в общем в той же Германии, уже в 70-х годах, особенно с наступлением торгово-промышленного застоя, интересы высших и средних классов толкали их все более и более не к раз'единению, а к сплочению — и притом, главным образом, именно для того, чтобы подавить или задержать рабочее движение. Недостаток места не позволяет мне пускаться здесь в изложение причин этого явления. Я вынужден ограничиться здесь лишь общим указанием на тот факт, что в противоположность английскому пролетариату организованной армии рабочего класса в Германии и Австрии пришлось скоро после появления ее на арене истории вступить в борьбу не с раз'единенными, взаимно-враждующими противниками, а наоборот, с плотной коалицией врагов, в которую вошли не только капиталисты и землевладельцы, богатые буржуа и дворяне, с попами и правительством во главе, но и мелкобуржуазные классы: мелкие торговцы, самостоятельные ремесленники и крестьяне. В большей или меньшей степени подобное же трогательное единение буржуазных классов в борьбе с освободительной армией пролетариата замечалось и в других капиталистических странах, хотя не в такой резкой и отчетливой форме, как в названных империях. Но в этих государствах оно имело особенное, так сказать, специальное значение потому, что состоялось на почве примирения городской и сельской буржуазии с уцелевшими еще остатками монархического самовластия и дворянско-поповских привилегий, т. е. послужила помехой дальнейшему развитию гражданского равноправия и политической свободы, составляющих такую же жизненную необходимость рабочего класса, как воздух для живого существа. Известно, что, опираясь на враждебное социал-демократии боль-

шинство имперского парламента, германское правительство целых 12 лет держало социал-демократию в оковах исключительного закона, преследуя всевозможными карами не только социалистических агитаторов, но и ремесленные союзы и руководителей рабочих в стачках. В подобное же положение поставлен был и австрийский пролетариат. Но в том или ином виде единодушные господствующих классов во вражде к рабочему движению больно давало себя чувствовать пролетариату и в других странах, ставя ему на каждом шагу препятствия для достижения лучших условий существования, какими бы путями он не стремился к этой цели. Экономическая борьба с отдельными предпринимателями нередко оказывалась еще гораздо более трудной и безуспешной, чем попытки производить давление на парламенты путем борьбы политической.

При всем том нельзя сказать, что усилия организованных слоев пролетариата на материке, руководимых социал-демократией, были безуспешны. С точки зрения своих целей и требований, она имеет полное право и даже обязана считать достигнутые этими условиями улучшения крайне незначительными, ничтожными. Но если прилагать к ним масштаб, который односторонние поклонники английских ремесленных союзов применяют для оценки результатов вековых усилий этих союзов, то окажется, что значительно более молодое рабочее движение Германии, Австрии, Франции, Бельгии и др., даже со стороны достигнутых им непосредственных уступок от эксплуататорских классов, не больно далеко отстает от английского. Путем экономической борьбы, стачками и т. д. рабочие разных отраслей промышленности добились в разных местах заметно увеличения своей платы, сокращения рабочего времени — нередко до десяти, а во многих случаях до девяти часов в день — и вообще ограничения произвола и эксплуатации со стороны предпринимателей. А под давлением политической агитации рабочих партий, правительства и парламенты вынуждены были законодательным путем ограничить чувствительным образом эксплуатацию женщин и детей, учредить фабричную инспекцию и надзор за рабочими помещениями в интересах охранения здоровья и предупреждения несчастных случаев при работе. Германский рейхстаг, как известно, уже в 80-х годах ввел государственное страхование рабочих от болезни, увечья и старости. Социал-демократам удалось проникнуть в городские думы, в промысловые суды, их представители заседают (в Германии) и в правлениях городских касс страхования рабочих, и во всех этих общественных учреждениях они отстаивают — и далеко не безуспешно — повседневные интересы рабочих масс, вынуждают другие партии если не удовлетворять все требования социал-демократии, то, по крайней мере, делать им уступки. Повторяю: достигнутые до сих пор уступки и улучшения далеко не отвечают еще жизненным интересам и потребностям всего пролетариата. Но чего достигли до сих пор английские рабочие союзы в результате своего, по меньшей мере семидесятипятiletнего существования, если уж оставить в стороне период рабочего движения в Англии, предшествовавший отмене законов против стачечных организаций?

[П. Аксельрод]

(Окончание в следующем номере.)

МЕЖДУНАРОДНЫЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЙ КОНГРЕСС В ПАРИЖЕ.

Ничто не характеризует с такой наглядностью успехов освободительной борьбы рабочего класса, как международные социалистические конгрессы. Они дают возможность наблюдать, сравнивать, обсуждать и выбирать те различные практические приемы, которые служат для укрепления организации и обеспечения борьбы пролетариата.

Последним конгрессом Интернационала был Женевский конгресс 1873 г. Было решено распустить Международное Товарищество Рабочих, потому что оно было уже не в состоянии приводить к единству и направлять деятельность слишком разросшихся национальных социалистических партий. Прошло пять лет до созыва международного конгресса в Париже в 1878 г., во время первой всемирной выставки, устроенной третьей республикой. Этот конгресс не состоялся: полиция арестовала организаторов конгресса, французского социалиста Гэда и его друзей, и выслала иностранных делегатов. Тем не менее, созыв конгресса 1878 г. есть важное явление новейшей истории социалистического движения. Он доказал замечательную живучесть социализма. Утверждали, что во Франции социализм исчез после кровавой расправы с Коммуной. Но социализм на самом деле не только был жив, но выработал себе более прочную и более революционную теоретическую основу.

С 1889 г. конгрессы становятся правильными. Конгресс 1889 г. был созван тоже в Париже по случаю всемирной выставки. В то время, как буржуазия — это некогда «третье сословие» — праздновало столетие великой буржуазной революции 1789 г., пролетариат — это четвертое и последнее сословие — давал в лице своих представителей из всех стран клятву вести борьбу за свою революцию. И установленный этим конгрессом всемирный майский праздник пролетариата стал днем великого смотра социалистических армий, когда клятву борются до конца повторяют миллионы пробужденных к сознательной жизни работников. На Парижском конгрессе был выработан и принят систематический проект законов об охране труда как взрослых рабочих, так и женщин и детей. От нас, русских социалистов, представителями на этом конгрессе были: теперь покойный ветеран социализма Лавров и наш товарищ Плеханов.

Брюссельский конгресс, который был созван два года спустя, в 1891 г., подтвердил тот принцип, что национальная вражда, милитаризм и антисемитизм представляют из себя лишь различные виды эксплуатации человека человеком и что, след., для уничтожения этих явлений необходимо уничтожить такую эксплуатацию. Но если полное уничтожение зла возможно только посредством коренного преобразования общества, не следует все-таки пренебрегать и теми средствами, которые могут ограничить, уменьшить это зло. Мы подошли, таким образом, к вопросу о практических средствах, — вопросу, которым занимался в особенности Цюрихский конгресс, созванный в 1893 г. Русские социалисты были на нем представлены группой «Освобождение Труда», которая послала свой доклад на Брюссельский конгресс.

Цюрихский конгресс отверг предлагавшиеся некоторыми необдуманные средства устранить войны: военную

стачку (стачку солдат) и всеобщую стачку. Такие средства означали бы лишь растрату пропагандистских сил, они могли бы повести только к массовому избиению социалистов, к повторению Парижской Коммуны, могли бы только отбросить социалистическое движение назад на много лет.

На последнем заседании Цюрихского конгресса мы видели и слышали в последний раз нашего великого учителя Фридриха Энгельса. Невозможно передать тот энтузиазм, с которым был встречен появившийся внезапно на трибуне основатель Интернационала, друг Маркса. Его приветствовали бесчисленными кликами, которые сливались с мужественным мотивом „Пролетарской марсельезы“, потрясавшей стеклянные потолки Tonnhalle (залы заседаний конгресса). Когда, наконец, водворилось молчание, великий старец взволнованным и слабым голосом передал нам завещание Интернационала. И—одно мгновение нам показалось, что перед нами воскресло прошлое, что оно явилось как могучий защитник, предвидевший наше движение и наши нужды, заплативший дорогой ценой за свои собственные ошибки ради того, чтобы сделать наш путь прямым и легким.

Когда мы отправлялись на Лондонский конгресс, этого учителя уже не было. Пепел от его останков покоился в глубинах океана, недалеко от Истебернского берега, с которого он любил наблюдать великую природу. Он умер, но его завещание свято хранится в памяти делегатов, и Лондонский конгресс исполнил один из его советов, порвав решительно и окончательно с анархистами, которые, будучи уже изгнаны под своим собственным именем, нашли все-таки средство пробраться на конгресс в качестве представителей профессиональных (ремесленных) союзов. На Лондонском конгрессе делегаты слышали в последний раз другого представителя героического поколения 1848 г.—Вильгельма Либкнехта. С его смертью сошел со сцены последний из кормчих, руководивших кораблем социал-демократии с тех пор, как этот корабль был спущен в воду. И теперь пролетариат предоставлен уже своим собственным силам в трудной задаче — обходить те бесчисленные подводные камни, которыми усыпан его путь. Его влияние возросло в колоссальных размерах, и самые его успехи легко могут совратить его на ложный путь.

Парижский конгресс продолжался с 23 по 27 сентября (нов. ст.). Делегаты каждой национальности приветствовали конгресс от имени своих делегаций. От русской делегации говорили Г. Плеханов и Кричевский. Последний прочел письмо сосланных в Сибирь русских, польских и еврейских революционеров, единомышленных в ненависти к царизму и к капиталистической эксплуатации. Наш товарищ Плеханов говорил о той великой революционной роли, которую играет и будет играть пролетариат Российской империи в борьбе против царизма — борьбе, в которой заинтересован весь международный пролетариат. «Только пролетариат, — продолжает Плеханов, — дерзнул бросить перчатку правительству, деспотизм которого позорит весь цивилизованный мир».

Мы не можем останавливаться подробно на всех резолюциях конгресса. Ограничимся кратким указанием их и перейдем к главному: к вопросу об участии социалиста в буржуазном министерстве.

Некоторые резолюции конгресса повторяют то, что было уже принято Цюрихским и Лондонским конгрессами; таковы резолюции о милитаризме, о всеобщей стачке, всеобщем избирательном праве, о колониальной политике, о муниципальном (земском и городском, в применении к русским понятиям) социализме. Парижский конгресс подтвердил еще раз необходимость политической свободы, крайнюю важность ее для организации рабочего класса. Всеобщее избирательное право есть, в глазах конгресса, основное право всякой нации располагать собою суверенно (верховно и независимо). Для борьбы с милитаризмом конгресс рекомендует социалистическим партиям различных стран вести пропаганду против милитаризма среди молодежи и обязывает социалистических депутатов отказывать правительствам в каких бы то ни было кредитах на военные нужды, требовать преобразования постоянных армий на народные милиции (ополчения). Чтобы агитация против милитаризма была более успешна, конгресс советует социалистам всех стран вести эту агитацию по одному общему плану.

Другая резолюция конгресса, принятая единогласно, протестует против жестокостей колониальной политики. Отметим, что английские товарищи, Гайндман, Куелч, Керран, высказали по этому поводу решительное осуждение английской политики в Англии и войны с бурами.

Единогласно же была принята конгрессом следующая резолюция, особенно важная для нас, русских: «Конгресс с негодованием предает позору ту дикую политику угнетения, которую преследует русский царизм против польского и финляндского народов; конгресс призывает пролетариев, страдающих под игом сомодержавия, соединиться для общей борьбы против этого общего врага демократии и социализма».

Как мы уже заметили выше, главные прения сосредоточились на следующем вопросе: позволительно ли социалисту вступать в буржуазное министерство? Этот вопрос стал до известной степени злободневным вопросом вследствие того, что французский социалист Мильтеран вступил министром торговли в кабинет Вальдека Руссо. Этот шаг был сделан в такой момент, когда самому существованию республики грозила опасность, когда необходимо было соединение всех республиканцев какого бы то ни было направления. Хотя социалистическая партия вполне могла помочь защитникам республики, не возлагая на одного из своих членов ответственности за участие в буржуазном министерстве, — тем не менее конгресс принял резолюцию Каутского, составленную в духе примирения. Конгресс поступил так, имея в виду те особенные условия, в которых находится Франция, и не желая подливать масла в огонь тех раздоров, которые идут среди французских социалистов. Резолюция Каутского допускает, или вернее, извигает вступление в министерство лишь при крайней необходимости и при условии согласия большинства партии на такой шаг. Во всяком случае, такой совершенно исключительный шаг никоим образом не должен быть возводим в систему, как этого хотя бы Жорес и его друзья. Притом конгресс ясно выразил Мильтерану свое неодобрение за упорное желание оставаться в кабинете Вальдека Руссо даже после того, как грозившая республике опасность миновала, — после того, как этот кабинет опозорил себя убийством рабочих в Шалоне и Марти-

нике. Конгресс признал правильность поправки, внесенной товарищем Плехановым к резолюции Каутского. Эта поправка гласит, что социалистический министр должен выйти немедленно из министерства, как только оно оказывается пристрастным в борьбе капитала с трудом.

С практической точки зрения наибольшую важность представляет решение конгресса учредить постоянный международный секретариат. Местонахождением секретариата выбран Брюссель, в котором социалисты имеют свой собственный «Народный Дом». Расходы на содержание секретариата, исчисленные в 10.000 фр., должны быть покрыты социалистами всех стран*. Деятельность секретариата должна состоять в том, чтобы служить посредником между социалистами всех стран, доставлять им все необходимые сведения и, наконец, готовить организацию следующего международного конгресса, который должен быть созван через три года в Амстердаме.

Чтобы наш перечень резолюций конгресса не остался неполным, мы должны упомянуть еще о резолюции по вопросу о трестах (тресты или картели, ринги, синдикаты, это — союзы предпринимателей, организующих совместный сбыт или даже производство и сбыт известного продукта). Конгресс смотрит на тресты, как на явление, совершенно неизбежное в современном обществе, как на естественный результат все более растущей капиталистической концентрации. Конгресс выражает лишь пожелание, чтобы государство строго контролировало деятельность трестов и обязывало их периодически печатать отчеты о своих операциях. Наконец, конгресс принял резолюцию по вопросу о тех реформах, которые социалисты должны стараться проводить в своей муниципальной деятельности. Эта последняя резолюция доказывает, что социал-демократия, оставаясь твердой и непримиримой в стремлении к своему идеалу — к социализации средств производства и, след., к полному преобразованию общества — нисколько не пренебрегает тем не менее ни единой, даже самой незначительной реформой, способной и в современном обществе улучшить положение рабочих.

Прения на конгрессе показывают, какую громадную политическую силу представляет из себя социал-демократия в передовых странах. Смушенная непреодолимым ростом социализма, буржуазия начинает менять тактику. Во Франции, напр., она вместо зверского подавления социализма начинает делать маленькие уступки, цель которых состоит в том, чтобы оторвать от социалистической партии все нерешительные и неопределенные элементы. Но если отдельные лица и могут заблудиться и попадаться в те ловушки, которые им ставят, то весь пролетариат, как класс, не заблудится. Он не запянает своих идеалов, он не пожертвует своим будущим. Многие еще остается сделать, главная цель все еще остается недостигнутой, но социалисты вправе гордиться и теми результатами, которые уже достигнуты

* По решению конгресса, каждая из восьми великих наций должна внести 1000 франков — около 400 руб. на наши деньги. Мы приглашаем поэтому все организации, группы и кружки русских социал-демократов немедленно приступить к сбору денег для этой цели. Направлять деньги можно в нашу газету с указанием их назначения.

Ред.

И пусть всех вас, друзья и товарищи, томящиеся в тюрьмах и в изгнании, утешит та мысль, что ваши усилия не пропали даром! Пусть все те, юноши и старцы, которые стоят вне наших рядов, придут к нам, и мы вместе пойдем по дороге, ведущей к светлому будущему! Разве вы не видите, что идея, которая смогла объединить такую массу пролетариев всех стран, которая могла наполнить их такой непоколебимой верой, такой готовностью на всякие жертвы, — что это великая и благородная идея? Эта идея заслуживает того, чтобы человек отдал на служение ей все свои способности и всю свою жизнь. Соединитесь же вместе и будем работать и бороться под сенью красного знамени и под звуки пролетарского гимна, с которого начал и которым закончил конгресс свои занятия:

C'est le lutte finale,
Groupons nous et demain
L'internationale
Sera le genre humain*.

[X. Раковский]

ИЗ ПАРТИИ.

Раскол в заграничном Союзе Русских Социал-Демократов^а.

Весной настоящего года в Швейцарии состоялся съезд членов Союза Русских Социал-Демократов, приведший к расколу Союза. Меньшинство членов, имея во главе группу «Освобождение Труда», основавшую Союз и бывшую до осени 1898 г. редактором изданий Союза, образовало особую организацию, под названием: «Русская Революционная Организация „Социал-Демократ“». Большинство, в том числе редакция органа «Рабочее Дело», продолжает называть себя Союзом. Съезд русских социал-демократов, бывший весной 1898 г. и образовавший «Российскую Социал-Демократическую Рабочую Партию», признал Союз заграничным представителем нашей партии. Как должны мы смотреть на вопрос о представительстве теперь, когда заграничный Союз раскололся? Мы не станем входить в подробности вопроса о причинах раскола. Отметим лишь неверность столь распространенного и столь тяжкого обвинения, будто Плеханов захватил типографию Союза. На самом деле распорядитель типографии отказался только выдать ее целиком одной из частей расколывшегося Союза, и обе стороны вскоре сами поделили между собой типографию. Наиболее существенен, с нашей точки зрения, тот факт, что «Рабочее Дело» было неправо по существу полемики; оно ошибочно отрицало существование «экономического» направления, оно держалось ошибочной тактики замалчивать крайности этого направления и воздерживаться от открытой борьбы с ним.

В виду этого мы, — нисколько не отрицая заслуг «Рабочего Дела», которое много потрудились над изданием литературы и организацией доставки ее, — отказываемся признать одну из частей расколовшейся организации заграничным представителем нашей партии. До решения следующего съезда партии вопрос этот должен остаться открытым. Официальными заграничными представителями русской социал-демократии являются в настоящее время русские члены постоянного международного комитета, учрежденного Парижским международным социалистическим конгрессом осенью н. г. От России в комитет вы-

* Это — последняя борьба. Соединимся же, и международное товарищество рабочих завтра охватит весь человеческий род.

браны два члена: Г. В. Плеханов и Б. Кричевский (один из редакторов «Раб. Дела»). Пока между обеими фракциями русских социал-демократов не состоится примирения или соглашения, мы намерены вести все относящиеся к представительству России сношения с Г. В. Плехановым. Наконец, мы должны подать свой голос по вопросу о том, кого бы мы желали видеть секретарем от России в постоянном международном комитете. В настоящее время, когда социал-демократия стараются, под знаменем «критики марксизма», развратить буржуазной идеологией и политикой кротости и смирения по отношению к вооруженным с ног до головы врагам (буржуазным правительствам), на этом важном посту особенно необходим человек, способный устоять против течения и сказать влиятельное слово против шатания мысли. По этой причине, а равно и по указанным выше соображениям мы подаем свой голос за Г. В. Плеханова.

С.-Петербург. Нам доставлен печатный листок: «Программа СПб-го „Союза Борьбы“ за освобождение рабочего класса» и «Устав союзной рабочей организации», от октября 1900 г. Недостаток места не позволяет нам, к сожалению, ни напечатать этот документ, ни подробно высказаться о его значении. Мы вернемся непременно к нему, а пока ограничимся замечанием, что он свидетельствует

с одной стороны, о переживании «экономического» направления, направления «Раб. Мысли», а, с другой стороны, о наличности стремления освободиться от узости «экономизма».

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИК

1. Корреспонденция «Майские дни в Харькове» выйдет особой брошюрой. (Заканчивается печатанием.)
2. От скифов из Волыни пять.

Поправка. На стр. 2, столб. 1, после строки 35 сверху вставить фразу: «Отодвигают же ее, во-первых, те, кто зовет революционеров на борьбу с правительством силами отдельных заговорщических кружков, оторванных от рабочего движения».

Типография «Искры».

ПРИМЕЧАНИЯ.

Прим. 1. Китайская война 1900 г. явилась результатом хищнической политики царского правительства на Дальнем Востоке. Захват Порт-Артура и Далиньвана после японско-китайской войны 1895 г. под предлогом оказания дружеской помощи Китаю ведет к оккупации Маньчжурии, где в 1899 г. Россия с помощью французских капиталов начинает под охраной своих войск строить роковую манджурскую дорогу. В 1900 г. вспыхивает боксерское восстание («Большого кулака»), что дает повод России наводнить оккупированную страну многочисленной армией. Вся эта манджурская авантюра привела в 1904—5 гг. к позорной русско-японской войне.

Прим. 2. «Рабочая Мысль»—орган правого крыла «экономистов»—издавалась в 1897—1902 гг. (всего вышло 16 номеров). Главным инициатором и душой издания был латыш рабочий К. А. Кок. В период 1900—1902 гг. в газете работали Н. Н. Лохов-Ольхин, М. Коган-Гриневиц, К. Тахтарев, Н. Алексеев и др. Язвительное посвящение статьи о зубатовщине органу правых экономистов вызвало в среде рабочемысленцев бурю негодования. Отзвуком этого негодования является выпад «Петерб. Союза Борьбы» против «Искры» в № 11—12 «Рабочего Дела».

Прим. 3. Эта прокламация явилась результатом агитации Мартова в бытность его в Полтаве в конце 1900 г.; он объездил ряд комитетов (Харьков, Екатеринослав, Крым), чтобы побудить организации к выпуску общеполитического листка за их подписью по поводу предания в Варшаве военному суду 9 польских рабочих по обвинению в убийстве шпионов и предателей. Согласие местных комитетов было получено (в том числе и согласие Петерб. Союза Борьбы, с которым Мартов успел списаться); и соответствующий листок был напечатан в типографии «Южного Рабочего». Перепечатан он был не только в № 1 «Искры», но и в № 3 «Южн. Раб.», а также в № 3 «Листка Рабочего Дела». Есть основания думать, что автором листка был Мартов.

Прим. 4. В 1900 г. рабочее движение в России протекает тихо. Массовые аресты в Екатеринославе, Полтаве, Харькове и ряде других южных городов, разгром комитетов в Москве, Петербурге и Киеве—понижают темп движения до минимума. За десятилетие 1895—1904 гг. наименьший процент стачек и числа стачечников падает именно на 1900 год. Только в Харькове 1 мая произошла колоссальная забастовка, сопровождавшаяся выставлением политических требований (новость по тому времени). В конце года движение обострилось в Польше.

Прим. 5. Первоначальный кружок, из которого образовался «Союз Русских С.-Д.», возник в 1894 г. по инициативе группы «Осв. Труда». С 1898 г. «Союз» перешел в руки «экономистов», которые стали выпускать «сборник для рабочих»—«Рабочее Дело» (под редакцией Кричевского, Теплова [«Сибиряка»] и В. Иваньшина. Позже к руководящей группе рабочедельских литераторов примкнули Мартынов и Акимов). За 1899—1902 гг. всего вышло 12 книжек «Р. Д.» (фактически 9, так как несколько номеров было двойных), а также 8 «Листков Рабочего Дела» в виде брошюр. Окончательный раскол «Союза» произошел на съезде его в апреле 1900 г. в Женеве. Плеханов и его единомышленники вышли из Союза и образовали новую организацию под названием «Революционная организация Социал-Демократ». Типографией «Раб. Дела» заведывал с.-д. Мих. Сушинский, раньше примыкавший к группе народолюбцев «Летучего Листка». Распропагандированный Ю. Невзоровым (Стекловым), он отдал свои симпатии группе «Осв. Труда» и после раскола не поспешил отдать типографию в руки Кричевского и К⁰, чем способствовал при дележе имущества союза после раскола более справедливому выделу части типографии в пользу плехановцев. Этот эпизод с типографией послужил когда-то поводом к очень склочному и шумному выступлению рабочедельцев против Плеханова, о чем имеется намек и в настоящем сообщении «Искры».